

Юрий Валин

НАШ БРОНЕПОЕЗД

ДАЕШЬ ВАРШАВУ!

Выйти из боя

Юрий Валин

Наш бронепоезд. Даешь Варшаву!

«Автор»

2012

Валин Ю. П.

Наш бронепоезд. Даешь Варшаву! / Ю. П. Валин — «Автор»,
2012 — (Выйти из боя)

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант», «Самый старший лейтенант» и «Товарищ «Маузер»! Отчаянный рейд разведгруппы из будущего по тылам вечности. Наши современники, заброшенные в 1919 год, корректируют историю Гражданской войны. Их задание – остановить братоубийственную бойню, объединив белых с красными против общего врага. Если «попаданцам» удастся перевести стрелку времени, НАШ БРОНЕПОЕЗД не застрянет на «запасном пути», в тупике истории, а на всех парах помчится на запад – громить петлюровцев и поляков. Даешь Варшаву! Долой «чудо на Висле»! Даешь Освободительный поход в Европу на 20 лет раньше срока!

© Валин Ю. П., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юрий Валин

Наш бронепоезд. Даешь Варшаву!

Автор благодарит:

Сергея Звездина – за техническую помощь,

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах»,

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

Пролог

Разъезд Суходолка

(15 верст к югу от Курска)

1919 г. к)

Правый висок давило особенно сильно. Гипертоническая болезнь. Июль, пыльная иссушающая жара. Сегодня еще и солнце невыносимое. Непременно быть грозе. Дурной день. Чертовски дурной день.

Полковник Ватрасов старался дышать неглубоко. Дым – головная боль гарантированно обострится. Мимо двигались брички остатков пулеметной команды, поднятая колесами пыль заставляла жмуриться. Нужно не подавать виду, сегодня у всех дурной день. Суходолка взята, приказ выполнен. Можно двигаться на Курск, на соединение с 1-м батальоном¹ и самурцами².

Куда и кому двигаться? С севера, от пригородов Курска и железной дороги, продолжала доноситься канонада: красные держались. Вечером подрывники из 1-го батальона дроздовцев вроде бы подорвали рельсы и отрезали один из бронепоездов красных, но те в темноте смогли починить пути и пробиться к своим. Впрочем, такое случается не впервые. Излишне бережно работают подрывники: железная дорога необходима для стремительного рывка на Москву. Еще усилие. Курск, Орел, Тула... Порыв Добармии неудержим.

Угас. Порыв угас. Вернее, его погасили. Полковник Ватрасов чувствовал пульс войны. Не воин, не витязь – штабной диагност, по прихоти судьбы принявший временное командование неукротимым 1-м батальоном. Если бы не ранение полковника Туркулова, этого лихого вояки, любимца солдат, храбрейшего из храбрых...

Хотелось сесть. Сесть, закрыть глаза и не идти туда, к дыму.

Капитан Дмитраш, принявший третью роту после гибели ротного, бросил быстрый взгляд. Понимает. От роты осталось меньше половины. Сколько верст от Курска до Орла? О верстах и роте капитан все понимает, о бродящей рядом грозе не думает. И не нужно. Молод и здоров. Разорванное ухо скоро заживет.

– Вот здесь они и сидели, – поручик Трегубский, еще разгоряченный боем, азартный, чуть пьяноватый от собственного везения, подбросил на плече винтовку с примкнутым штыком и по-мальчишечьи ткнул пальцем в развалины пакгауза. – Сидели как мыши. О, коварнее ирокезов...

– Поручик, будьте любезны без книжной романтики, – сухо сказал Ватрасов. – Мы все видим...

Бой завязался на окраине Суходолки. Батальон красных держался за депо удивительно упорно. Атаковавшие утром добровольцы откатились, засели у насыпи и крайних домов

¹ Имеется в виду 1-й батальон 2-го Офицерского генерала Дроздовского стрелкового полка Добровольческой армии.

² Самурский полк – полк Добровольческой армии, получивший название в честь 83-го пехотного полка Русской императорской армии.

поселка. Роты увязли в перестрелке. Депо, скорее ремонтные мастерские, прикрытые добротным кирпичным забором, оказались крепким орешком. В обход поселка двинулся взвод на бричках, усиленный двумя пулеметами. Здесь они повернули к депо...

Кобылку с белой прозвездиной на лбу, видимо, уже позже пристрелил кто-то из милосердных разведчиков. Команда пеших разведчиков подросла первой. Кобылка лежала вытянув ноги, пыль вокруг изрыта копытами. В помутневших глазах застыл ужас. Дальше лежала опрокинутая бричка. И люди... Почти весь взвод и пулеметчики. Уже всюду жужжали нетерпеливые летние мухи...

У пулеметчика красных были железные нервы. Подпустил, ударил почти в упор. Саженой сорок. Прямо из приоткрытых дверей пакгауза. Из винтовок стреляли и из-за штабеля досок, из-за груды шпал. Весьма грамотно поставленный заслон. Обреченный...

Ватрасов смотрел на ближайшего красноармейца: тот лежал, подогнув ноги, скорчившись, словно пытаясь зарыться в утопанную пыль дороги. Обмотки с цивильными башмаками, правая подметка стерта почти насквозь. На спине гимнастерки две темные дыры.

– Пытались уйти или атаквали?

– За лентами, – поручик показал на разбросанные у патронной двуколки пулеметные ленты. – Кинулись сразу, но мы от того домика их нашелкали. Как куропаток, на выбор...

Поручик Тригубский несколько преувеличивал. За патронами кинулось всего трое. Здесь они и лежали. Но дроздовцев было больше: десятки тел, лошадиных, солдатских. Полковник знал по фамилиям почти всех – профессиональная привычка. В 8-й армии³ подполковника Ватрасова весьма ценили за феноменальную память.

Смерть меняет. Лицо знакомое, но узнать почти невозможно. Усач с нашивками фельдфебеля лежал, вжавшись щекой в пыль. Мирон Зыков. Винтовка нелепо уткнулась стволом в горячую пыль, ее ремень зацепился за борт брички.

– Пленных нет? – капитан Дмитраш машинально поднял винтовку, прислонил к колесу.

– Никак нет. Большинство краснопузых, когда склад рухнул, кончились... – Юный Тригубский замаялся.

Ничего удивительного. Третий, нет, четвертый день боев, но пленных нет. Ни с той стороны, ни с этой. Вчера нашли дозор, высланный к хутору: все четверо раздеты, разуты. По пуле в сердце. Не мучились.

Будет гроза или нет? Господи, даже голову поворачивать больно.

Красные из пакгауза отстреливались около двух часов. Пока не подошли орудия 2-й батареи. Били по пакгаузу почти в упор. Угол снесен начисто, здание загорелось, но потухло, когда рухнула часть крыши. Но кто-то оттуда еще стрелял. Разведчики подобрались, закидали гранатами. Когда вошли внутрь, из дальнего, уцелевшего угла ударил пулемет. Выпустил остаток ленты. Патронов двадцать, не больше...

В тени кустов сирени сдержанно стонал раненый. Дальше, у штабеля шпал, лежали тела. Разведчики... Ряд тел, штабель шпал. Словно намеренно.

Сапоги цеплялись за битый кирпич, расщепленные доски. В проломах крыши сияло безжалостное солнце. Гильзы, кровь, тело... Открытые глаза ослепли, плотно забитые рыжей кирпичной пылью. Еще тело... Фуражка с темной жестяной звездой. Расщепленное ложе винтовки. Опрокинутый стеллаж, какие-то ящики. Тупое рыльце пулемета. Щита нет, из простреленного кожуха вяло капает вода. Человек. Приличная гимнастерка вся в крови, нашивка краскома едва видна. Этого шттыками... Раскинутые босые ноги. На левой стопе – мозоль. Но ногти аккуратно острижены.

³ Имеется в виду 8-я армия времен Первой мировой войны, сформированная из частей и соединений Киевского военного округа.

Щеку мертвеца распорол штык. Но узнать можно. Жаворенко. Кажется, Николай Тарасович. Рассказывал о приспособлении по разметке секторов обстрела. Весьма толковый был офицер. Весьма.

– Это Стальной батальон имени Мировой революции, – поручик Трегубский взмахнул мятым листком какого-то мандата. – Из Тулы к нам пожаловали, изволите ли видеть. Хорошо, что с патронами у них не густо. Положили бы оба взвода, мерзавцы.

– Да, фортуна к нам весьма и весьма благосклонна, – согласился полковник Ватрасов, чувствуя, что висок сейчас лопнет. – Ступайте, поручик. Хороним наших павших и выходим.

Капитан Дмитраш вертел в пальцах портсигар. Мятый, с еще блестящей вмятиной. Третьего дня стреляли. У красного мальчишки-взводного был револьвер «лефоше». Дрянная легкая пуля портсигарного серебра не пробила.

– Курите, Андриан Мелентьевич, – сказал Ватрасов. – Мне не мешает.

– Душно сегодня, – капитан глянул на темную полосу на небе. – Если грозу с хорошим ливнем нагонит, увязнем. Впрочем, чему у нас увязать?

– Спокойнее, – Ватрасов снял фуражку, вытер несвежим платком лысину. – Приказ никто не отменял.

– Слушаюсь, господин полковник, – капитан посмотрел на развалины, откуда солдаты за ноги вытаскивали трупы. – Но ведь такого не было. Ведь не было же?!

Такого не было. Добрармия шла на Первопрестольную, даже не шла, катилась, неслась, разметывая полки и дивизии Советов словно соломенные снопы. Сотни, порой тысячи пленных в каждом бою. Брошенные орудия и снаряды, угрюмые комиссары, с готовностью выдаваемые ненавидящими их красноармейцами. На востоке победоносно наступает Колчак, красные в панике откатываются от Урала. Еще усилие, еще шаг... Тщетно мечется по фронту неистовый председатель Реввоенсовета Троцкий, пытаясь сколотить, удержать и вдохновить тающие красные дивизии. Ульянов-Ленин еще зимой убит в Москве, позже в Петрограде был смертельно ранен в своей служебной машине председатель ужасной «черезвычайки» Дзержинский. Дни Совдепии сочтены. Добрармия с ходу взяла Харьков, открыла прямую дорогу на столицу.

Увязли. Здесь, под Курском. Даже не верится. Навстречу нескончаемым потоком шли и шли спешно сколоченные, плохо вооруженные части красных. Их били, опрокидывали, но их было слишком много. Ревели и лязгали десятки красных бронепоездов, отремонтированные или наскоро склепанные из котельного железа на заводах Курска и Москвы. С глупым, бессмысленным и оттого пугающим упорством умирали в мелких окопчиках бесчисленные «стальные», «железные» и «ленинские» батальоны и роты. Красные упирались, с каждым днем все жестче, все упорнее. Контратаковали, бесстрашно, в лоб, идя на пулеметы и картечь. Терзал фланг Добрармии дикий конный корпус.

– Борис Евгеньевич, какого черта нам понадобилась эта Суходолка? – пробормотал капитан Дмитраш. – Эти проклятые мастерские, дочиста растащенные и загаженные? Впрочем, это уже бывшие мастерские. Кому нужна грудa кирпича, пропахшая мертвечиной?

– Нам нужен Курск, – сказал Ватрасов и, не удержавшись, помассировал висок. – Нам нужна железная дорога. Слышите?

В оступевший мозг толкнулась волна далекого залпа. К городу подошел тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита», и его крупнокалиберные орудия пытались достать красные бронеплощадки.

– Ну, Рипке⁴ им задаст, – капитан Дмитраш, поправил кобуру. – Пробьем, не в первый раз. Дрогнут. Прикажете выдвигаться, господин полковник?

⁴ Рипке – Владимир Владимирович фон Рипке. Командир бронепоезда «Дроздовец» и начальник дивизиона бронепоездов ВСЮР. В РИ покончил жизнь самоубийством 29 октября 1919 года, после потери всех бронепоездов дивизиона.

Да, выдвигаться. Обойти город, сбить красных. Прорваться к Орлу. Там все повторится. А сколько еще разъездов, поселков и просто холмов, на которых отроют торопливые окопчики? И там в Москве? Им некуда бежать. Краснопузая сволочь здесь дома. И иной родины у нее нет. Сгинут минутные вожди, другие уйдут в подполье. Им не привыкать. Большевикам, меньшевикам, анархистам... Сумасшедшим бабенкам с дамскими «браунингами», слесарям, и шахтерам, путейцам и запасливым мужичкам, уже припрятавшим обрубки-обрезы винтовок. Развесить всех на Тверской и Манежной? Фонарей не хватит. Расстреливать пачками в оврагах, топить в прорубях? Россия велика. Да, можно испросить помощи у Антанты. Союзники помогут. Будут слать патроны миллионами и миллиардами. Пароходами. Патроны и советников.

Но иного пути нет. Если сейчас отступить, то придут ОНИ. С мозолистыми руками, с хрипом истерик многословных горлопанов, с обманом Маркса и Кропоткина в загнивших, отравленных мозгах. С ненавистью застарелой. Патронов им, естественно, не пришлют. Значит, будут биться штыками. Или опять проруби?

Зимой умирать проще. Господи, дожить бы.

Что-то ударило по погону. На пыли дороги появлялись крупные темные отметины. С опозданием пророкотал гром. Дождь. Гроза...

– Добрый знак, – прокричал уходящий к солдатам капитан Дмитраш.

– Чудо, – пробормотал полковник Ватрасов.

Словно из тысяч шлангов ударили тяжелые косые струи ливня. Фуражка мгновенно промокла, потяжелела.

Все-таки июньский дождь – истинное чудо. Несоизмеримое с непостижимыми размерами бывшей империи, но чудо. Боль из виска медленно уходила.

Колотили по шпалам и просевшей крыше пакгауза звонкие струи. Омывала живая вода лица шеренги лежащих мертвецов. Сквозь раскаты грома доносились приглушенные залпы «Калиты». Капитан Рипке выполнял свой долг.

* * *

Капитан Дмитраш через год будет убит в Кельце. Поручика Трегубского повесят в сентябре 1921 после разгрома офицерского партизанского отряда под Гродно. Полковник Борис Евгеньевич Ватрасов умрет в своей парижской квартире 8 декабря 1926 года.

Полковник Туркул за сотрудничество с немецко-фашистскими захватчиками будет повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 8 марта 1945 года.

Генерал-майор Рипке умрет в 1971 году.

Останется жить Дроздовский полк. Сводная рота гвардейской Южной Дроздовской дивизии, наравне с ротами славных Таманской и Харбинской гвардейских дивизий, станет непременным участником ежегодного парада 9 мая.

Часть первая

Войны не прекращаются. Официальные краткие паузы – всего лишь тактическая необходимость для перегруппировки сил и подведения итогов предыдущего раунда. Войн было и будет много. Уже прошедшие подсчитывают, кто-то декларирует цифру в 15 000, кто-то на порядок больше. Определенный слой эстетов подводит под понятие «война» лишь бойню мировой величины. Все эти вопросы классификации и систематики вполне можно оставить специалистам. Благо и профессионалов, и любителей в военной истории хватает.

Отдел «К» Министерства обороны Российской Федерации занимается военной историей. В ее сугубо прикладном аспекте. Отдел корректирует историю. В довольно примитивной, если не сказать кустарной форме. На большее ни денег, ни людей у Отдела нет и, очевидно, никогда не будет. Ирония ситуации в том, что собственную историю изменить невозможно. А изменения в параллельных реальностях (в узких кругах вульгарно именуемых кальками) мало кого интересуют. Хотя определенный смысл в существовании данного Отдела руководство все же усматривает. Хотя бы с точки зрения наработки теории и анализа ошибок «коррекции». Еще кое-кого Наверху настораживает гипотетическая (пока!) возможность вмешательства некоего чужого Отдела «К» в наше собственное, столь замечательно упорядоченное существование. Ведь там, где не работаем мы, работает кто-то другой, так? Имеются у руководства и иные, тоже весьма неглупые мысли. Посему финансирование Отдела «К» продолжается уже многие годы. Не то чтобы денег выделялось достаточно и поступали они регулярно... Но не будем о грустном.

Старший сержант Екатерина Георгиевна Мезина о грустном не думала. Она пила чай. Требовалось обмыть повышение в звании. Еще вчера Мезина Е.Г. вела тусклое существование банального сержанта контрактной службы, а теперь «старший»! Временами родная армия проявляет прямо-таки шокирующую оперативность. Очень лестно. На серьезное обмывание новой лычки напитками благородными в приятной компании коллег по службе времени не оставалось. Наклеивалась срочная командировка. Вернее, продолжение предыдущей. Так в Отделе бывает. В Отделе «К» вообще чего только не бывает.

Как истинный боец-профессионал, Катерина Георгиевна размышляла о вещах насущных: жратве, деньгах и службе отечеству. Продуктовый вопрос решался просто: нужно было доесть вафли «Цитрусовые», как яство однозначно вредное для начальника Отдела. Непосредственный начальник – майор Александр Александрович Варшавин, относился к тому избранному и немногочисленному числу людей, которых Мезина искренне уважала. Нужно его гастритный желудок поберечь. Собственно, пачка кондитерских изделий уже была практически пуста.

С деньгами тоже было просто. Требовалось зайти в финотдел и получить «боевые». Ибо «конец месяца, не забереете, тогда на депонент придется класть...».

Со службой отечеству было сложнее.

Трое суток назад сержант Мезина вернулась из командировки. Поставленная задача была выполнена частично, и тому имелись оправдания: напарник был ранен и его чудом удалось эвакуировать, сама Мезина знала о сути задания лишь в самых общих чертах и потому действовала практически вслепую. Что-то удалось сделать. Одна из второстепенных задач – поиск похищенного девяносто лет назад груза золота – была выполнена полностью. Теперь ящики со слитками скучали в месте с точно обозначенными координатами и дожидались, когда их изымут. Кто и как будет золото изымать, военнотружущую Мезину не касалось. Впрочем, с недавних пор Катя вообще вспоминала о драгоценном металле с конвульсией отвращения. Истинная гадость этот 79-й элемент. Валялся бы в том 1919 году и валялся.

Тот год... Горячечный, больной год огромной страны. Глобальное сумасшествие. Вот что шокировало бывалую «сержантку» Мезину. Доводилось прыгать Катерине в жуткие года: 1941-й, 1942-й. По потерям, по горечи поражений сравнить их не с чем. Застряла Катя как-то в 70-х, но туда угодила случайно и унесла на память теплые, уютные, но весьма размытые воспоминания.

Лето 1919-го дышало в затылок. При попытке осмыслить собственные впечатления мелькала у старшего сержанта Мезиной все объясняющая догадка: там реально все спятили. Мас-совое помешательство. Эпидемия вроде загадочной психической «испанки» по стране прокатилась.

Но это было, конечно, не так. Большинство жителей рассыпающейся России оставались нормальными и довольно симпатичными людьми. Перепуганными и склонными считать, что как раз все вокруг них сошли с ума. Даже тяжело больные, отхватившие гигантскую дозу «революционно-контрреволюционной» заразы, рассуждали вроде бы логично, искренне страдали и сокрушались. Катя им сочувствовала. Всем. Как всегда в приступе сержантского сострадания, страшно хотелось надавать по мордам, ткнуть ствол в лоб и рывкнуть: «Ну-ка, очнулись, сучьи дети!» Увы, подобные меры воспитания действенны лишь в малочисленных коллективах численностью до взвода.

Прогулялась по слободжанской Украине сержант Мезина. Стреляла. Как без этого? Но исключительно для самозащиты. Очевидных врагов не было. Уничтожать людей, занемогших классовой ненавистью, бессмысленно, они и сами друг друга вполне азартно истребляли. Бандиты попадались. Ну, с этими все ясно. Совершенно случайно компания по скитаниям подбралась. Пашка Зверенко – крепкий юный большевик, в свободное от революционных боев время увлеченно проповедующий великую пользу физкультуры. Герман Земляков – ныне прапорщик Дроздовского полка, надевший военные погоны сразу после гимназии и успевший побывать на Великой войне. Этот – личность глубоко интеллигентная, рефлексирующая, но вполне осведомленная, как управляться с хитроумной гранатой системы Рдудовского. Сообща девчонку спасли: Виту Лернер, еврейку, малость недобитую петлюровцами, этими последовательными борцами с жидомасонским заговором и неукротимыми экспроприаторами ихнего, жидомасонского, барахла. О масонах юная девица по своей местечковой дремучести вряд ли слышала, зато оказалась особой крайне жизнелюбивой и не лишенной очарования. Еще прицепился к отряду мальчуган по имени Прот Павлович. Человечек слабосильный и кособокий, сирота, воспитывавшийся при монастыре. Вот он оказался личностью до того загадочной, что даже оторопь брала. Определенно не лишенный дара экстрасенса, целитель и странный ясновидец, со странными постоянными провалами памяти. Жутковатый мальчик, откровенно говоря. Впрочем, Протка оказался человеком мирным и весьма помогшим, когда сержанту Мезиной немножко голову разрубили. Внешностью своей Катя дорожила. Хотя и мешала эта самая внешность несению службы, но как-то привыкаешь к собственной физиономии. Прямо скажем, спас тогда Прот неземную красоту сержантскую.

Красива старший сержант Е.Г. Мезина. Аки ангел, ростом в сто восемьдесят сантиметров, этакий зеленоглазый, светловолосый, коротко стриженный. Мужчинам к ее присутствию обычно требовалось привыкнуть. Поднапрячься и привыкнуть. От иллюзий избавиться. Это уже потом царапины на загорелой коже внимание привлекают, холодность очей изумрудных да слишком уверенные движения. А уж когда гавкнет по-сержантски...

В общем, остался Катерине Георгиевне на память о последней командировке крошечный шрамик, левую бровь рассекающий. Почти украшение. А как кожа разрубленная свешивалась, пол-лица закрывая, вспоминать не будем. Спасибо Проту еще раз. Подлечил. Вот только вопрос все равно остается: случайно встретились или заранее чуял что-то ясновидец малолетний?

Отчет о событиях командировки Катя изложила подробнее. Вышло пятьдесят две страницы принтерной распечатки. Начальство носилось с этим отчетом, консультировалось, пытались расшифровать и осознать. Гоняли в Центральную военную клинику, где выхаживали напарника по вояжу, майора Витюшу. Майору повезло поменьше: шпрамиком не отделался, два проникающих в брюшную – это не шутки. Собственно, именно старшему группы надлежало расследование и вести. Ведь в большом ажиотаже срочно собранную группу сунули в 1919 год. Пришло в ГлРУ интереснейшее послание, назначившее randevu в том году. Само письмо было датировано 1953 годом и до текущего времени хранилось в швейцарском банке. И какой дряни у них там в банках только не хранится? И ведь не забыли отправить в обусловленный срок, как клиент почти полвека назад и требовал. Полученное послание оказалось событием немислимым и порядком обеспокоившим начальство. Заслали разбираться. Но ничего из того расследования не вышло. Какой следователь из сержанта полевой группы? Катя, что могла, сделала. Например, Прота тщательнейшим образом опросила. Нет, по «калькам» мальчик не прыгал и никаких депеш подсунуть не смог. Возникли иные версии. Кто-то работал против Отдела. Конкуренты, или «наши иностранные партнеры», как принято выражаться на языке дипломатии? Разбираться, кто именно так наглет, сержант Мезина не имела возможности, да и приказа такого не было. Важнее было доложить о неожиданных «коллегах». Ну, предварительно удалось этим коллегам малость подгадить, уведя несправедно нажитый золотой запас.

Парадокс состоял в том, что золото и обнаглевшие соперники начальство не очень-то заинтересовали. Нет, с ценностями и зарвавшимися засранцами обещали разобраться немедленно, как только...

Кризис поразил Отдел «К». Фундаментальный. Такой, что судьба каких-то там нескольких центнеров золота начальство сейчас не волновала. Версию причастности «коллег» прокачали азартно, но пришли к выводу, что неведомые злоумышленники вряд ли причастны к возникшему парадоксу.

В «кальке», из которой только что вернулась сержант Мезина, возникло жуткое равновесие. Жуткое – потому что принципиально необъяснимое и ранее никогда не наблюдавшееся. Основной вектор, неизменно ведущий развитие истории в единственно возможном направлении, рассыпался на кучку хаотичных вибраций. «Ежик в тумане», как выразился один из специалистов Расчетного центра. Бедняга-теоретик безвылазно сидел в Отделе уже пятый день и потихоньку впадал в глубочайшую депрессию.

История предсказуема. Особенно когда вам досконально известны события «ноля» и еще, пусть и более поверхностно, развитие событий в просчитываемом периоде в пяти-шести иных родственных «кальках». Берем конкретный пример.

1919 год, время для России исключительно тяжелое, братоубийственное, и вообще, как выразилась сама старший сержант Мезина, «дерьмо необъяснимое». Ну, это было сказано сгоряча. Объяснить все можно. Будет ли это объяснение исчерпывающим – это иной вопрос.

В четырех из шести вариантов 1919-го отсутствовал Владимир Ильич Ульянов-Ленин. В двух вариантах вождя мирового пролетариата злодейски убили. Меткий винтовочный выстрел или лошадиная доза сулемы, подсунутая в чай в Смольном, – результат один: похороны были грандиозны. В одном из вариантов Ульянов-Ленин был тяжело ранен ударом ножа тревожной октябрьской ночью по пути все в тот же Смольный. Революцию пришлось возглавить иным людям, а Владимир Ильич долго лечился: рана оказалась скверной. Похищенный бумажник рядового члена ЦК РСДРП(б) так и не был найден. Имелся вариант и весьма смутный, так до конца и не разгаданный. В нем весной 1917 года товарищ Ленин в Петроград так и не прибыл. Поговаривали, что в 20-х годах его видели в Окленде, но реальных подтверждений тому нет. Впрочем, Отдел «К» подобные загадки не интересовали. Операций и коррекций в революционной России Отдел никогда не планировал. Все расчеты показывали неизбежность свершения Великой Революции. Правда, не везде она была Октябрьской. Худшим

оказался вариант, когда Временное правительство удержалось у власти до лета 1918 года. Россия тогда рассыпалась на четыре территории, гражданская война в Крыму и у Каховки обернулась чудовищной бойней. И лишь в славном 1929 году мирный воссоединительный поход кавалерийско-бронетанкового корпуса Примакова в Сибирскую Республику вернул вектор на место. Правда, взятый великолепным штурмом Люйшунь⁵ пришлось передать китайским коммунистам, которые через несколько месяцев его благополучно профукали.

В общем, все было как всегда. Но только не в этой рабочей «кальке». Ситуация зависла. Такого попросту не могло быть. В каком-то экстремальном варианте можно было допустить вероятность фантастической победы белых. Подобное исключение лишь подтверждало бы правило. Но сейчас наблюдалась иная картина: суточные колебания вектора в пределах 0,5–2,3 процента. То есть в пределах погрешности самой системы мониторинга. Вопиющая неестественность такой ситуации ясна даже сержантам. Не говоря уже о старших сержантах.

...Катя откусила от последней вафли. Нехорошо. Восторженный энтузиазм при выходе на задание испытывают люди психически неуравновешенные, а такие в Отделе не служат. А пойти сейчас хотелось. Естественно, не из-за этого нелепо подвисшего вектора. Команда там осталась. Молодая, малость вздорная, но... Почти друзья. Друзей у Екатерины Георгиевны было не слишком много, да и далековато они по миру разбросаны. Научись ценить. Есть шанс вернуться, помочь. Но шанс призрачный. Задание, судя по всему, будет одно: наблюдать за развитием ситуации. А много ли из леса вымотришь? Там ближайший городок – Змеев. Против древнего городка Катя ничего не имела, но вряд ли именно там будут решаться векторные вопросы. Но где? Мониторинг – штука полезная, но погрешность у него... геополитическая. Это сам вектор научились вычислять с точностью до долей процента. Вот найти эпицентр... Район и так сузили до минимума. Понятно, что это центральный регион европейской части бывшей империи. Следовательно, Петроград и Севастополь отбрасываем не задумываясь. Москва на грани, Киев тоже сомнителен. Активные боевые действия на данный момент продолжаются в районе Курска. ВСЮР⁶ рвутся к Москве. Где-то здесь. Но что там могло повиснуть?

По коридору послышались шаги, Катя поспешно сунула обертку «Цитрусовых» в урну. В пищеблок заглянул майор:

– Заправляешься? А как с набитым желудком пойдешь?

– Легкий завтрак. Ну, там приговор вынесли? Куда бечь, кого побеждать? Золото, платина? Церковные артефакты?

– Не смешно. Ты как вообще? Отдохнула, привела себя в порядок?

– Если ты, Сан Саныч, об одежде, так постирана и высохла. Стиралась без порошка, так что запашок остался. Неопределенный.

Майор поморщился:

– Не напоминай. Отчет переделаешь. Потом, задним числом. Я такое живописание сдавать на хранение не могу. Пойдем, задачу ставить буду. Отправляешься к своему мини-табору. Что улыбаешься? Решили продолжить наблюдение с прерванного места. Вероятность, что все вокруг вас закручивается, остается. Да и иных обоснованных вариантов действий мы не видим.

Прыжок синхронизировали по текущему времени «кальки». В 3:00 успевшая опять проголодаться старший сержант Мезина встала на стартовый контур.

⁵ Порт-Артур.

⁶ ВСЮР – Вооруженные силы Юга России.

* * *

...Чудесен лес летом. Обволокло тьмой, свежестью, тысячей запахов. Катя ласково прихлопнула комара, безмерно обрадованного полнокровным сюрпризом, возникшим ниоткуда. В отдалении шуршали кусты. Естественно, Прот Павлович за эти секунды текущего времени ходить по-индейски обучиться никак не мог. Катя двинулась следом, придерживая опостылевшую юбку. Вот, блин, надо было все-таки зашить. Заметят несоответствие, так и фиг с ним.

– Прот!

Вздрогнул, чуть не плюхнулся под дерево, в руке тускло блеснуло: ствол «нагана» с порядком стертым воронением.

– Спокойно, это я.

– Катерина Георгиевна, а я-то... – мальчик опустил револьвер. – Значит, уже?

Катя с изумлением увидела на его лице величайшее облегчение. Стало стыдно. Аж зубы заныли.

– Ты это, Прот Павлович, прекрати... Не уже, а еще. Если отвлеченные вопросы есть, потом обсудим.

– Какие вопросы. Рад я. Значит, передумали?

– Точно. Пошли к народу. Вдруг не обрадуются?

Обрадовались. Катя развозить сопли не стала:

– Я тут думала, думала и вообще передумала. Решила с вами еще поваландаться. Неопределенное время.

Пашка, ухмыляясь, протянул веточку с нанизанной сыроежкой:

– Ну и правильно. Уговорил, значит, Прот? Он такой, истинно поповской красноречивости.

– Не дразни человека. Садитесь. Молчим, думаем.

Катя жевала несоленую сыроежку. Гриб остыл, а стыд еще жег. Суешься в чужое время, что-то делаешь, покомандовать норовишь, потом удираешь. Вафли жрать, спать на чистом, бумажки писать. Хотя отчеты еще то удовольствие.

Личный состав помалкивал. Устали. Надо бы им поспать, а утром всем живенько выступать. Слишком близко от кладо-кладбища. Нагрянут безмерно опечаленные бывшие владельцы злата...

– Так, товарищи и господа разбогатевшие. Давайте отбой устраивать. Я сторожу. Проветрилась, сон разогнала.

– Так лягаемо, – Вита теребила кончик смоляной косы. – А наутро шо? На Полтаву? Ее еще найти надо.

– Найдем, – сказал Герман. – Екатерина Георгиевна мановением руки укажет верный путь. Как там Павел формулирует? К светлому царству социализма? И двинемся.

В последние дни прапорщик порядком загорел, обветрился. Даже физиономия отчасти потеряла вечное выражение интеллигентской расслабленности. Дурацкая гимназическая фуражка заломлена не без лихости. Без очков вполне обходится. Но надерзить норовит по-прежнему.

– Полтава никуда не делась, – мирно заметила Катя. – Не иголка, найдется. Но, возможно, нам лучше отсюда подальше отойти и паузу взять. В смысле, немного отсидеться, выслать разведку.

– О! Тут я «за», – поддержал Пашка, нанизывая на веточку очередной гриб. – Поспешать нам некуда. Переждем. Не век же нас искать будут? – сидящий по-турецки парень тряхнул отросшими кудрями. – Но вот как с харчем? Да и разведку куда высылать будем?

– Екатерина Георгиевна подумывает в город отправиться, – сказал Прот, глядя в костер. – Вместе со мной. И в городе откровенно выяснить, какая такая нужда во мне, калеченном, возникла, что за мной целыми полками по лесам и болотам гоняются. Ну и со своими делами ей нужно разобраться.

– Глупости! – резко сказал Герман. – Бессмысленный риск. Вы и до города не доберетесь, в контрразведке окажетесь. Глупость несусветная.

– Нет, не глупость, – пробормотал Прот. – Так мы с ней только вдвоем рискуем. Вы, Герман Олегович, извините, но за вами, как за мной, убогим, гоняться не станут. Нужен я всем. Видимо, использовать мой проклятый дар хотят. Делать нечего, поедемте, Екатерина Георгиевна. Узнаем все на месте. Вряд ли меня сразу удавят. Да если и так... Хоть погулял напоследок.

Катя молчала. Смотреть на Прота было больно. Мучается мальчик. В лесу у костра ему куда уютнее сидеть, чем в страшный город возвращаться. Трудно сказать, что от него белым и жовто-блакитным нужно, но в любом случае от бдительной опеки парнишке не отвертеться. Хорошо еще, если сердобольных монашек приставят. А то и просто под замок сунут. Только куда ему деваться? В лесах долго не высидишь.

– Это как же?! – возмутился обдумавший предложение Пашка. – Значит, мы Протку отсылаем с перепугу? Так не пойдет! Что мы, дристуны какие? Не, то сущее гадостно выходит. Давайте в обход. Лесами, потихоньку-полегоньку. Выскочим. И на север можно уйти. Пролетарская власть за пацанами не гоняется.

– Знову за свою пролетарию уцепился, – осуждающе заметила Вита. – Нам бы подаль от любой влады ныне держаться. То даже така жидовка, як я, поняла. Только не получится. До городу так до городу. Тут глупо – не глупо, не вгадаешь. Разведку проведем. Не бойся, Протка. Справимся. Катерина Еорьевна прикроет, да мы и сами соображаем. Разберемся, в чем дело, та ноги сделаем. Ты им там говори, шо нужно, не жмотничай – нехай подавятся. Пока обдумают – нас и нету.

– Ты-то с какой стати в город?! – возмутился Герман. – Девиц там еще не видывали. Глупость какая!

– Та вы не волнуйтесь, Герман Легович, – девушка улыбнулась так, что прапорщик мигом залился краской. – Мы повернемся. И втроем достовернее буде. Дви чернички, мальчик богомольный, блаженненький. Как положено. Жидовки выкрещенные в монастырях встречаются. Мне в Темчинской обители рассказывали. Все по закону...

– По закону – это хорошо, – поспешно прервала девчонку Катя. – Только попроще нужно быть. Если Прот решится, то мы с ним вдвоем управимся.

– Как – вдвоем?! – Вита подскочила, опрокинув пустой чугунок. – Дэ ж правда?! Герман Легович идти не может – его шукуют офицеры. Пашеньку тоже пускать не можна – он подозрительный. Так как же Прота одного видправляты? Мало ли шо? У вас служба, я ничего не говорю – сегодня туточки воюете, завтра тама. А кто Прота обратно доведет? Нам ще за кордон пробиваться. Шо ж мы его нынче одного пустим?!

– Ты мне не дури, – пробурчала Катя. – Тоже, проводница нашлась. Я Прота в безопасное место в любом случае выведу. Если нам, конечно, башки в городе сразу не поотрывают. И без тебя в этом деле мы прекрасно обойдемся.

– Не обойдетесь! Я, Катерина Еорьевна, вас дуже уважаю, но вы мне не начальник. Я девушка вильна, и нет такого закона, чтобы меня в город не пускать. Просто пойду за вами, и все. Так честно буде. И втроем лучше. Вы, Катерина Еорьевна, что не одягните, на черничку

мало будете схожи. Со мной лучше, сами подумайте. На меня коситься будут, на вас, на Протку – глядишь, и проскочим.

– Куда вы проскочите? – не выдержал прапорщик. – Да вас на первом же посту арестуют. Понятно, кто-то отобьется, а кого-то как куропаток постреляют.

– Помовчите, – строго сказала Вита. – Здесь не только вы умный. Екатерина Еорьевна, вы счас без снисхождений рассудите. И не матюгайтесь. Я полезная буду чи ни?

* * *

Состав снова замедлял ход. Катя поморщилась – копотью в разбитое окно несло жутко. Ехали уже вторые сутки. Прот дремал, уткнувшись головой в тощий живот девушки. Вита тоже посапывала, обняв перекошенные плечи мальчишки. В вагоне к странной троице уже привыкли. Истомленные пассажиры с тоской и нетерпением ждали окончания пути.

А начиналось все не слишком гладко. С парнями и лошадьми расстались верстах в шести от Змеева. Здесь с опушки просматривалась насыпь железной дороги. Договорились, что Герман и Пашка будут здесь ждать неделю. Вита выдала подробные инструкции, как хранить ее и Прота сокровища. Парни ухмылялись, но обещали исполнить в точности. Расстались деловито. Похоже, сомневалась в скорой встрече лишь предводительница.

В Змееве на рынке наскоро запаслись продуктами и отправились на крошечный вокзальчик. Здесь былолюдно – поезда ни на юг, в сторону Екатеринослава, ни на север не ходили уже дня четыре. На двух поддельных монашек и на мальчика никто особого внимания не обращал. Зато сама Катя нервничала – как всегда, без оружия чувствовала себя голой. Ни пистолетов, ни гранат – непристойность ужасная. К тому же в монастырских обносах было чертовски душно. Низко повязанный платок не снять – Катя чувствовала, что у нее впервые в жизни потеют уши. Несколько утешила колбаса со свежим хлебом. Остальные члены разведгруппы тоже уплетали обед с далеко не монашеской сдержанностью. Катя уже прикидывала, как раздобыть кипятка для вновь приобретенного чайника да где устраиваться ночевать, как на вокзале поднялся гвалт – подходил поезд. Вроде бы даже тот, что и нужен.

Посадка навевала ассоциации с незабвенным штурмом Фермопил, с той только разницей, что обороняющиеся имели численное преимущество. Орали на разные голоса, у вагонов кипел бурный водоворот, временами выплевывающий неудачливых пассажиров и раздерганный багаж. Хрупкий Прот смотрел с ужасом, Вита тоже слегка перепугалась. Тянуть их в толчею было бессмысленно, и Катя двинулась занимать плацдарм в одиночестве. Прорваться через толчею умелому человеку труда не составило, хотя юбка трещала по швам. Бормоча «сигнал уже дадеден», Катя взобралась на ступеньки, ненавязчиво подсекла ноги застрявшему в проходе здоровенному селянину с панически кудхтающим мешком и через поверженного птицевода пролезла в вагон. Хам пробовал что-то вякать, но Катя вполголоса посулила попутчику, что бог всенепременно накажет за несанкционированное распространение птичьего гриппа. Тон произвел должное впечатление. Катя пропихалась в глубь вагона, оттеснила от окна развеселую парочку, махнула своим. Мешок и клюку, собственноручно вырезанную новоиспеченной монашкой, пассажиры приняли без особых эмоций, но когда Катя начала втаскивать в окно Прота, поднялся гвалт. Девушка сквозь зубы призывала к христианскому смирению и отпихивала локтями особо наглые руки. Полузадушенный Прот плюхнулся на чьи-то мешки. Катя начала повторять фокус с Витой, тут пассажиры совсем осатанели, и пришлось от христианских призывов перейти к адресным посылам. Из уст богомольной девицы отдельные выражения звучали вдвойне убедительнее, и народ слегка шарахнулся от зловещего блеска зеленых глаз. Когда разведгруппа оказалась в полном составе, Катя принялась креститься и благодарить старожиллов вагона за доброту и снисхождение к пилигримам. Бог знает, чем бы это закончи-

лось, если бы не разгоревшаяся за окнами драка. Под шумок Катя слегка переместила багаж, освободив для своих одно сидячее место. Поезд наконец тронулся. Катя с облегчением глотнула из бутылки теплой водички. Как же, рановато обрадовалась. Выбравшись за город, поезд прополз верст пять и прочно встал. Судя по реакции пассажиров, так и должно было быть.

Пришлось обжиться. На длительных остановках наиболее шустрые пассажиры успевали развести костер и вскипятить воды. Катя со своей слабосильной командой на подобные изыски идти не решалась. Потихоньку жевали колбасу, запивали колодезной водичкой, благо Вита успела наполнить и чайник, и бутыл. На девчонку внимание мало кто обращал. Со скрытыми волосами, в темной одежде, Вита не слишком выделялась в разномастном обществе, переполнявшем вагон. На саму Катю поглядывали куда чаще. Скромней нужно было в вагон врываться, богомолка невоздержанная. Впрочем, народ куда больше волновал вопрос, когда поезд наконец доползет до города.

Рыхлая тетка все донимала Прота расспросами. Мальчик улыбался, нес какую-то благообразную чушь, поминутно крестясь. Голос тоненький, улыбка слабоумная, – лет на десять младше выглядит. Ну и адово терпение у пацана.

Катя сидела рядом с Витой, придерживая под рукой мешок и чайник. Из окна пахло дымом и лесом. Поезд медленно полз, листва шуршала по крыше вагона.

– Катерина Еорьевна, – прошептала Вита, – а вы, звиняйте, из каких сами будете? Из дворян?

– Каких еще дворян? Не выдумывай. Отец, покойник, у меня из этих, из Пашкиных сотоварищей. Правда, сам смог недурное образование получить. Мама... ну, там вроде действительно голубая кровь имеется. Да не важно. Если родословную высчитывать, то я дворянка в первом поколении.

– Это как так?

– Титул я сама получила, – неохотно объяснила Катя. – Только что с него толку? Все равно звание у меня хоть и командное, но младшее. Так что романтических историй не придумывай. Принцессы-королевы из меня не получилось.

– Так вы же по матери...

Катя поморщилась:

– Я, можно сказать, отношений с мамой не поддерживаю.

– Отреклась? – с ужасом прошептала девчонка.

– Да что за дурь? Она второй раз замуж вышла. У нее своя семья, у меня своя. Не пересекаемся.

– Катерина Еорьевна, а вы когда замужем были, счастливо жили?

– Фу, ну что у тебя за вопросы детские? Разве так просто скажешь? Человек он был очень хороший. Ну а насчет счастья... Сложно я замуж выходила. Дружили мы очень с мужем. Когда его убили, я... – Катя скрипнула зубами.

– Ой, извините, Катерина Еорьевна.

– Да пустой разговор. Ты что-нибудь поинтереснее спроси.

– Так я и спрашиваю. Вот вы глянете – мужчины валются. Як же так можно научиться?

– Да не всегда они валятся, – пробормотала Катя. – Хотя недурно было бы. Кучу боеприпасов сэкономила бы. Если ты про вагон, так я мужику просто ноги запутала. Если про женское очарование в принципе – не завидуй. У тебя ох как получается. Что ты глазки отводишь?

– Та кому я порчена потребна? – прошептала Вита.

– Тьфу, опять ты на утешения напрашиваешься? Чтобы я больше такого не слышала. Скотов мы кончили, ты жива-здоровая. Забудь. О будущем думать нужно. О том, как нам в городе отвертеться. Прот по своей части попробует мозги крутить, остальное на нас ляжет. Что там с обстановкой? Что на фронте? Отстали мы от жизни.

– Ну и що? До фронта мы не доедимо, – рассеянно сказала Витка.

– Хрен его знает. Вот ты разбираешь, о чем те трое болтают? Я и половину не понимаю. Что за диалект невнятный?

– Так то поляки, – объяснила девушка. – Повертаются с Лозовой. Болтают о переговорах. Генерал Деникин вроде с комиссарами встречается. Сам Тигр Революции прибудет. Та ще шестьдесят бронепаровозов. Будут Россию делить. Все, что на юге, – новому царю отойдет. Все, что севернее, – Советам останется. Брешут, наверное. Белые хвалились, що в августе Москву возьмут. Пуанкаре приедет, царя привезет.

Катя замотала головой:

– Ты мне сейчас мозг разрушишь. Какой Пуанкаре? На хер он здесь нужен? Какие шестьдесят паровозов? Откуда у революции тигры взялись?

– Пуанкаре – главный француз. У них во Франции человек есть, что у нас царем писля войны станет. Ну, они так хочут, вот и обещают привезти. Паровозы – броневые, с гарматами. На переговоры прибудут. С ними главные советские. И тот – председатель Совнаркока, що вместо Ленина сейчас. Троицкий, что ли? Они его Тигром и именуют.

– Виточка, – вкрадчиво поинтересовалась Катя, – а ты ничего не путаешь? Может, не Троицкий, а Троцкий? И не тигр, а лев?

– Може, и так, – без особого смущения признала Вита. – Разве их всех упомнишь? Тигры, левы, орли. Кобели кровавы. Що те, що другие. Вы, Катерина Еорьевна, внимания на болтовню не обращайтесь. Брехня сплошная. Они еще болтают, що червона кавалерия под Бел-Городом на Деникина вдарила. Брехня, не иначе. Наш Пашка знал бы.

Катя вздохнула:

– Переводчик из тебя сильно... литературный. А что за переговоры? Они где будут проходить?

– Як где? В городе. Здесь же и кордон пройдет. О том весь поезд и розмовляе.

Кате казалось, что вагон в основном говорит о взлетевших ценах на табак, о тифе, о разобранном под Люботином железнодорожном полотне. Хотя кто их знает – большинство путешественников розмовляло с таким диковинным акцентом, что приходилось напряженно вслушиваться. Катя чувствовала себя слишком уставшей для расшифровок сплетен.

– Ладно, Вита, посторожи, чтобы нас не обобрали, а я вздремну с часок.

* * *

Поезд опять стоял. Навалились сумерки, накрыли серым дымным покрывалом. Вита смотрела в окно – раскачивались ветви, дождь шуршал короткими, шепотливыми порывами, изредка доносились печальные вздохи паровоза. В вагоне еще было душно, пассажиры дремали. У самой Виты затекло плечо, Екатерина Георгиевна привалилась, крепкая, отяжелевшая во сне. С другой стороны посапывал Протка, тщедушный, как сухая щепка. Вита осторожно поправила ворот его заношенного лапсердака – надует в шею, много ли ему, фарисею захудалому, нужно?

По крыше все так же, набегам, постукивал дождь. Опять корчма вспоминалась. Так и не успели обжиться всерьез. За четыре года Остроуховка клятая так и не стала новым домом. Упрям был отец. Из-под Мостов вовремя ушел, даже заведение не в убыток успел продать. Война только начиналась, германца задавить за три месяца обещали. Только не получилось. И на новом месте у Якова Лернера не гладко дело пошло. Концы с концами корчма сводила. Правда, корчму мигом в шинок переименовали, и меню подправить по местным вкусам пришлось. Мама и полеву⁷ научилась лучше здешних хозяек делать, и пампушки воздушные печь. Самогон отец гнал – слеза кристальная. Посетители пили, жрали, платили исправно. Да только

⁷ Полева – навар бараньих потрохов с гречневой и пшеничной мукой на сале.

с такими нехорошими усмешками, что отец холодным потом обливался. Нет, уезд действительно был спокойный. Слухи о погромах лишь издали доходили. Только те слухи и до всегда, и до проезжих гостей докатывались. Вот и усмехались – почекай, Яшка, дери пока втридорога, придет час, и сам кровью расплатишься, жидовская морда.

Гайдамаки за все разом рассчитались. Вита поспешно оттолкнула воспоминания о последнем дне жизни. Ничего, пока удавалось голову под подол спрятать. Отторгала послушная память, вытесняла кошмар, вечером начавшийся да всю ночь и утро тянувшийся. Кальбовы дети, прокляты, чтоб их матери и на том свете только гной пили. А-а, вонь ехиднова... Еврейская память древняя, через сто лет каждую мелочь припомнишь, а сейчас не надо, не надо!

Пятно темное, потом и болью воняющее. Смерть родителей, тетки да братиков та срамная боль затерла. Все на свете затерла. Пусто. Не было ничего. Крутила тебя в аду конда⁸ проклятая, пользовались. Только яркая лампа над столом раскачивалась. Керосину не жалели. Меты⁹ вшивы.

Вита плотнее зажмурились. Пошло оно прочь!

Отступило с легкостью. Жизнь впереди, жуть успеет вернуться, толстыми заскорузлыми пальцами похapatь, тело развернуть-вывернуть.

Что помнишь, так тот взгляд перепуганный, сквозь очки, на кончик носа съехавшие. Прапорщик боевой, ветеран. Дите малое. Руки у него тряслись. Укусила его тогда или нет? Тут память подводит, изменяет. И ведь его не спросишь.

Смешной он. Серьезный. Смотришь, как губы поджимает, и хихикнуть хочется. Фуражка на голове крутится, ну точно школьник-голодранец, только рогатки и не хватает. Втюрился в Катерину, как сопляк последний. Разве ж она ему пара? В ней блеску господского восемь пудов, даже когда падалью насквозь провоняется. Вот дурной. Все смущается.

...– Ты на кого смотришь, дочь нефеля¹⁰?! Кому улыбаешься? Совсем мозг растеряла? В арон¹¹ меня вгонишь, – грохнула вскинутая на плиту кастрюля, выплеснула жирную волну, повисли пряди капусты.

– Да, мама, разве я улыбалась? Да нужен мне тот хлопец. Що, я возниц не видала?

– Ты глаза-то прячь, дура безумная. И так по ножу ходим. Молва о бесстыдной дочери Якова пойдет – кто тебя, харизу¹², защитит? О, замуж бы тебя быстрее спровадить. Забились в щель клопину, приличного жениха за сто верст искать. Все отец твой, упрямец. Свиной торгуем, точно курой кошерной. Ой, хорошо, бабка твоя умерла, прокляла бы меня и внуков своих до седьмого колена. Субботу твой отец забыл, Тору никогда не раскрывает. Ой, спаси нас бог!

– Мама, не начинай. Не старые сейчас времена. Да сходи – не слышишь, Мишука ревет.

Метнулся по кухне подол, шагнула мама к двери, к младшему сыну торопясь. Распахнулась дверь – и чернота за ней. Выгорело все.

Вита получила удар по колену, мигом проснулась. В темноте Катя крутила руку какому-то низкорослому типу. Тот шипел сквозь зубы, лягался. Катя заломила руку круче, в локте чуть хрустнуло, человечек пискнул, напряженно замер, уткнувшись лицом в узел.

– Та угомонитесь вы, чи ни? – заворчали с соседней лавки.

⁸ Конда – сборище воров.

⁹ Меты – здесь – мертвые, мертвецы.

¹⁰ Нефель – выкидыш.

¹¹ Арон – шкаф, гроб.

¹² Хариза – худая, тощая.

– Спите, спите, – пробормотала Катя, отбирая у прижатого воришки чайник. – Тут от тесноты человеку ногу свело.

Катя сунула чайник проснувшемуся Проту и повела вора к выходу. Человечек тихо скулил, согнувшись от боли, перешагивал багаж и спящих на полу.

– Проспали мы, – прошептал Прот. – Чайник-то почти новый. Вот жалко-то было бы.

Долетел тихий вскрик – Катя ссадила злоумышленника на насыпь.

– Добрая она сегодня, – прошептал Прот.

– То она спросонку. Сейчас на нас нагавкает, – ответила Вита.

Катя, легко перешагивая через узлы и похрапывающих людей, скользнула на место:

– Что, гвардия, дрыхнете как цуцки?

– То я виновата, Катерина Еорьевна. Задремала, – поспешила признаться Вита.

– Ладно уж, додремывайте. Я снаружи пройду. Здесь дышать нечем.

– Спи, – прошептала Вита. – Я посмотрю.

– Да чего там, – Прот понадежнее пристроил чайник под боком. – Это ты спи. Часовые мы аховые. Можно и вдвоем спать. Все равно ничего не сделаем.

– Так я руку вовек не заломаю. Был бы наган...

– Ух, ты настоящим стрелком стала, – необидно усмехнулся в темноте мальчик. – Ты отчаянная. Только нам сейчас тихими да смирными надобно быть. Крестись почаще. Тебя крестное знамение не сильно ломает?

– Та я бильше ни в кого не верю. И креститься могу, и сало жевать. А «Отче наш» меня давно выучить заставили.

– Разумно, – одобрил Прот.

– Допомогло-то мне оно как, – с горечью прошептала Вита.

Мальчик очень осторожно обнял ее за плечи:

– Что делать, жизнь нам во испытание дана. Терпеть наша участь.

– Она-то не сильно терпит, – Вита кивнула на окно.

– Екатерине Георгиевне иные испытания даны, – мягко прошептал Прот. – Она сильнее, так и боль ее куда острее.

– Какие испытания? – сердито зашептала Вита. – Ей бог сповна всего отпустил. Даже с лишком. Вот ты скажи, почему на нее мужчин як мух на мед тягне? Ну, волосья да бюст у нее красноречивые. Так она же ростом с телеграфный стовп. Так нет же, каждый слюни пускае. Ты вот скажи, тебе со стороны виднее.

Прот молчал.

Вита смутилась:

– Ты що? Я же в том смысле, что ты еще молоденький. Или ты... тож? Ну вот, я не подумала. Извини меня, дурищу жидовскую... Я тебя все как малого вижу.

Прот с досадой повертел шеей, но руку с плеча девушки не убрал:

– Меня все за малого держат. Тем и спасаюсь. А про Катерину одно могу сказать – ее то мучает, до чего мы с тобой еще не доросли. Влюблена она. Давно уже. Безнадежно.

– Да що ты выдумываешь? – не поверила Вита. – Кто на ее чувство не ответит? Не бывает таких кобелей. Ей же тильки поманить стоит. Ни, не может того быть. Та она к тому ж, это... Неправильна. Ты ж в монастыре был. Сказать мы никому не скажем, но между нами...

– Ты про это лучше молчи, – оборвал Прот. – Нам не понять. Да и не наше то дело. У Катерины на душе чувство. Тяжкое такое, что все наше поганое золото перевесит. Без надежды она живет.

– Без надежды нияк не можно, – яростно зашептала Вита. – То ад, если без надежды.

– Потому и жалко ее. Она хоть и надеется, но сама себе не верит. Душа у нее трескается. Жалко.

Вита растерянно молчала. Поверить в то, что можно жалеть Катерину Георгиевну, красивую, уверенную, бесстрашную, все умеющую, было решительно невозможно. Нет, ошибся Протка. Дар у него путаный, вот что-то не то и разглядел. Нет, одинокой Катерина никак не может быть. Да она над жалостью к себе первая и посмеется.

– Да что ты испугалась? – прошептал Прот. – Не одинокая она. У нее друзья есть. Собачка пушистая, красивая. Домик тихий. И еще один – большое поместье. Она туда тоже вернется. Хозяйствовать там станет. И тот человек ее тоже любит. Может, и встретятся они. Катерина хоть и не верит, но все к тому делает.

– Що ж ты сразу не сказав? «Душа трескается». Ужасов нашептал. Так встретятся они или как?

– Не вижу. Видно, на грани это решится. Екатерина Георгиевна сама свою судьбу ведет. Редкий человек.

– От то так, – согласилась Вита. – Туточки я согласна. Встретятся. Наша Катерина любую стену лбом прошибет. Мне б таку уверенность.

– Да у тебя сейчас и своей хватает, – прошептал Прот. – Завидую. Ты только ее, уверенность, не порастеряй.

Вита хмыкнула:

– А ты следи. Как только хде прохудится, сразу пхни меня. Заштопаю свою уверенность.

– Пихну, – Прот улыбнулся. – Вита, а ты меня совсем не опасешься? Дара моего проклятого? Остальные меня касаться не очень-то желают. Даже Екатерина Георгиевна иной раз спохватится.

– Ни, я не боюсь. – Вита слегка запнулась. – Ты и так про меня все знаешь. Та вы все про меня всё знаете.

– Я чуть больше знаю, – печально сказал мальчик.

– То про Геру? Та я не больно скрываю, – пробурчала девушка. – Я и ему почти в лицо сказала. Только он не понял. Или подумал, що смеюся.

– Да понял он все, – пробурчал Прот. – Ему бы самому... уверенность заштопать. Сито, а не уверенность.

– При чем тут сито? Он же с Катерины глаз не сводит. А я хто такая поряд с ней? Жидовка порченая...

– Да что ты со своим еврейством каждый раз высовываешься? – рассердился Прот. – Он о тебе как о еврейке и не думает. Ты ему нравишься. Пусть и не так, как Катерина, но все равно. Только запутано у него в голове все.

– А що надо, щоб распутать?

– Сейчас я тебе усе скажу, – ехидно пообещал Прот. – Ага, записывай. Я и так с ума схожу, а если ваши сердечные движения начну отслеживать, то прямо завтра непременно и рехнусь. Я тебе что, бабка-знахарка? Приворотное зелье тебе взболтать? Фигушки. Сами разберетесь. В таких делах никто не помощник.

– Та ладно, – Вита удобнее вытянула ноги, – я не тороплюсь. Как Катерина говорит – без суеты и согласно этой... диспозиции. Если Гера с нами поедет, по-разному может обернуться. Ты только меня перед ним не позорь.

– Уж не знаю, кто из вас двоих глупее, – вздохнул Прот. – Права Екатерина Георгиевна – истинные дети.

Вита промолчала. Сам-то кто? Подумаешь, колдун древний.

Прот хихикнул:

– Слышишь? Строит кого-то наша генеральша.

За окном действительно негромко разговаривали. Вита разобрала знакомый голос Катерины и сбивчивое мужское бормотание.

– За два фунта сахара? – задумчиво переспросила Катя. – А почему нынче фунт? Сто шестьдесят целковых? Однако.

Мужчина снова забормотал.

– Нет. Не торгуйся, – с усмешкой ответила предводительница. – Не дам. Я так, из интереса справлялась. Меня так дешево еще никто не торговал. Гуляй отсюда, кондитер херов.

Претендент проявил настойчивость.

– Русского языка не понимаешь? – удивилась Катя. – На мове объяснить, что ли? Иди отсюда, озабоченный. Я девушка благопристойная, по соборам да монастырям благодати безмерно набралась, мне такие пошлые разговоры вовсе и вести не пристало.

Невидимый мужчина что-то коротко сказал, и Катя обозлилась:

– Еще хамить будешь? Маньяк рельсовый. Под вагон еще с таким лезть? Хочешь – на!

Послышался звук короткого удара, сдавленный стон мужчины. Все затихло.

– По мудям врезала, – задумчиво прошептала Вита. – Так с ними и потребно.

– Да, это она без разговоров, – согласился Прот. – А ведь могли бы сладенького утром погрызть.

– Вот дурень! – Вита щелкнула мальчика по лбу. – Спи, бесстыжий.

* * *

В город въехали поздним утром. Промелькнула река в заросших берегах, фабричные строения. Под конец набравшись прыти, состав лихо подкатил к гомонящему перрону. Катя с опаской посмотрела на толпу, – если сразу посадку начнут, разведгруппа рискует остатками здоровья. Впрочем, предвиделись осложнения и иного плана – за толпой виднелась цепочка солдат. Документики проверяют. Ну, к тому все и клонилось.

Сквозь толпу пропихались без особых осложнений. Катя изображала ледакол, Прот следовал в кильватерной струе, Вита прикрывала тылы, довольно ловко отпихиваясь чайником.

Катя направилась к ближайшему пропускному пункту, где командовал смуглый поручик. Решительно рявкнула:

– Господин поручик, извольте немедленно о нас доложить. И прикажите подготовить транспорт для дальнейшего следования.

Тон, вероятно, был выбран неверно. На красивом лице поручика отразилось недоумение, щегольские усики дрогнули, он явно собрался выдать что-то язвительное. Опережая, Катя сунула ему листовку с описанием Прота:

– Не до куртуазности, поручик. Извольте срочно известить командование. Мы чертовски устали.

Вовремя, краем глаза Катя уловила движение – от служебной двери вокзала торопился штабс-капитан, за ним двое солдат, следом еще один поручик, на ходу застегивающий портупею.

Главное – многозначительный вид. В штаб разведгруппа отправилась на роскошном «паккарде». Комфортабельность лимузина слегка портил конвой, возглавляемый аж подполковником. Один из офицеров разместился рядом с Протом, остальные висели на подножках. Поразмыслив, Катя сочла такое внимание хорошим знаком. Расстреливать сразу не будут, следовательно, представится случай пообедать.

Между тем город явно изменился. Катя с некоторым изумлением увидела на перекрестках пулеметные гнезда, блиндированные мешками с песком. В глаза бросалось изобилие патрулей. У моста путь перегораживала солидная баррикада, проезд перекрывала рогатка с колючей проволокой. Здесь тоже проверяли документы. Правда, «паккард» пропустили без проволочек.

Окончательно Катю потряс красный флаг на балконе гостиницы «Астория». Два броневика стояли у подъезда, настороженно развернув пулеметные башни вдоль улицы. Вдоль фасада гостиницы тянулись все те же мешки с песком, у дверей торчали какие-то люди с винтовками. Конвой «паккарда» тоже косился на красный стяг. Коренастый штабс-капитан неприлично харкнул в сторону «Астории», за что получил краткое, но резкое внушение от подполковника.

Когда машина пролетала по набережной, Катя готова была поклясться, что разглядела у гостиницы бойцов с красными шевронами на рукавах. С ума сойти! Неужели действительно начаты переговоры и представительство Советов уже в городе? Две недели назад о подобном и слуху не было. Может, показалось? Катя ткнула локтем Витку. Девчонка посмотрела непонимающе. Вообще мордаха у нее была ошеломленная и довольно глуповатая. Прот выглядел не лучше. Ну да – они первый раз в авто.

Особняк ничем особенным не выделялся – узкий двор за высоким забором, наивный псевдоримский портик. Разве что дом примыкал к крупному строению, выходящему на Николаевскую площадь. Разобраться Катя не успела. Разведгруппу ускоренно завели внутрь, и Прот немедленно оказался изолирован от девушек. Особой неожиданностью это не стало, но все равно неприятно. Штабс-капитан проводил дам в комнату, загроможденную зачехленной мебелью, с извинениями изъяс у Кати мешок и умчался, оставив вместо себя насупленного юного поручика. Страж топтался у двери, снаружи стукнула прикладами пара выставленных часовых. Катя похлопала ладонью по креслу, морщась, отмахнулась от поднявшейся пыли, села. Кивнула Витке:

– Присаживайся. В ногах правды нет. Бог его знает, сколько ждать, – Катя вспомнила о исполняемой роли и перекрестилась.

Вита тоже довольно уверенно перекрестилась, но присела скромно, на самый краешек дивана. Девчонку угнетала просторная светлая комната и хмурый офицер у дверей. Впрочем, ждать долго не пришлось. В дверь влетел давешний штабс-капитан, с извинением забрал у Виты чайник и снова исчез.

Катя поморщилась:

– Не бледней. Тебе что, посудина как память дорога была? Плевать на нее. Сейчас контакт установим.

Катя шагнула к насторожившемуся поручику:

– Господин доброволец, нельзя ли распорядиться, чтобы сняли чехол хотя бы с дивана? Мы здесь от пыли задохнемся. И недурно было бы чаю подать. Мы с дороги, имейте снисхождение к дамским слабостям. Кстати, не знаю, что ваши люди собираются найти в нашем несчастном чайнике, но я бы хотела переговорить с каким-то ответственным чином из вашего командования. Вас не затруднит на миг отвернуться? Я документы извлеку.

Растерянный поручик отвернулся. Катя отвернула пояс юбки, дернула шов и извлекла тщательно сложенную тонкую бумагу.

– Извольте передать начальству. Возможно, это поинтереснее вмятин на чайнике.

Минут через десять явилось начальство. Крепкий подполковник с лысеющей головой. Плешь была красива – Катя искренне залюбовалась. Вот тип истинного российского офицера-аристократа. Это вам не какой-нибудь персонаж «Сибирского цирюльника».

Аристократ кратко кивнул в знак приветствия и помахал Катиной бумажкой:

– Извините за невежество, не имею чести знать, – что это такое этот ваш таинственный «Союз креста и щита»? Не просветите?

– «Союз креста и щита» – добровольная внепартийная организация, определившая своей задачей спасение древних реликвий русского народа. Стараемся работать в контакте с

любыми истинно патриотическими силами отчизны. В том числе и с церковью, – объяснила Катя. – К сожалению, большей частью приходится находиться на нелегальном положении. Кстати, мы сотрудничаем с вашими службами. Извольте уточнить у полковника Кирпичникова.

Катя крепко надеялась, что тяжело раненный полковник Кирпичников находится там, где ему и положено – в Севастополе. Хотя если учесть последние корректировки «кальки»...

Подполковник кивнул красивым черепом:

– Мы непременно уточним. С иудейскими силами, жаждущими спасения российских реликвий, вы давно сотрудничаете?

– Моя подруга родилась на российской земле, – резко сказала Катя. – И она выполняет гражданский долг в соответствии с собственными представлениями о чести. А вы, господин подполковник, не изволили представиться исключительно из скромности?

– Виноват. Все спешка. Макаров Алексей Осипович. Начальник отдела Осведомительного агентства¹³. Вы, Екатерина Георгиевна, отдохайте. Сейчас в двух словах изложите предысторию вашего появления в городе и отдохайте. Я очень спешу. Надеюсь, позже представится возможность побеседовать в спокойной обстановке.

– История коротка. Наша группа следовала из Москвы. По понятным соображениям район боевых действий мы старались обойти. Благополучно вышли на территорию, контролируемую Добровольческой армией. При следовании к станции Мерефа столкнулись с бандой украинских повстанцев. Большую часть уничтожили. В качестве трофеев взяли пулемет и мальчика. Для чего ребенок был нужен гайдамакам, не имею понятия. Но мы знаем, что и вы его усиленно разыскивали. Посему мы вдвоем были откомандированы для доставки ребенка в город. Надеюсь, малыш в добром здравии? У него, знаете ли, припадки случаются.

– Ребенку будут предоставлены все возможные условия, – неопределенно отозвался подполковник и пригладил седые усы. – Любезная Екатерина Георгиевна, отчего же, слушая вас, мне хочется задать дикий вопрос – «в каком полку служили»?

– Что здесь удивительного? Я получила пусть и ускоренное, но специальное образование. Мортиру с гаубицей не спутаю и, с какой стороны к пулемету подойти, вполне разберусь.

– Потрясающе. И юная красавица тоже... образованна? – подполковник глянул на Виту.

– Она связная. Я – человек, облеченный определенными полномочиями. Прошу разговор вести со мной. Девочку не смущать. И вообще, без моего ведома не беспокоить.

– Вы мне угрожаете? – изумился подполковник.

– Предупреждаю. «Союз креста и щита» не слишком известная, но отнюдь не скаутская организация. И я не в институте благородных воспитывалась.

– Ну, в последнее я с готовностью верю, – пробормотал подполковник.

– Вы вольны нас расстрелять как шпионов или еще под каким-нибудь идиотским предлогом, но извольте относиться к дамам с уважением. Мальчика мы к вам привели? Что не устраивает? Примите гостинец как знак доброй воли. Позвольте нам отдохнуть до вечера, и мы охотно покинем сей гостеприимный град. Даже ордер на проезд в мягком вагоне не потребуем.

Подполковник потер виски:

– Какие уж сейчас мягкие вагоны, Екатерина Георгиевна. Полноте, у меня и так голова кругом без вашего таинственного «Союза креста и щита». Потом разберемся. Погостите пока, сделайте милость.

В дверь сунулась прилизанная голова:

– Святого отца привезли. Встретите?

– Иду, – подполковник кивнул Кате. – Извините, вынужден вас покинуть. Значит, договорились – погостите? Весьма рад. О вас позаботятся. Сейчас чай подадут. Потом, уж прошу

¹³ Осведомительное агентство – официальное название контрразведки ВСУР.

прощения, приведут вас в порядок. Санитарно-гигиенические мероприятия, знаете ли, ничего не поделаешь. Сыпняк кругом, а вы с дороги.

Дверь хлопнула.

– Они что с нами делати собираются? – пролепетала Вита.

Катя, не отвечая, перескочила через диванчик, метнулась к окну. Во двор въезжала коляска, сопровождаемая парой верховых. В коляске восседал некто в рясе. В церковных званиях Катя не разбиралась, но, судя по высокому головному убору – не дьячок. Похоже, опознавать Прота приехали.

Открылась дверь.

– Немедленно отойдите от окна! – ужаснулся заглянувший поручик.

– Вы прикажите либо пыль убрать, либо окно открыть, – капризно сказала Катя. – Здесь дышать совершенно нечем. Что за газовая камера?

– Одну секунду, – поручик стянул с дивана чехол, чихнул и поспешно запихал чехол под стол. – Сейчас чай принесут. Вы не беспокойтесь, все образуется. Давно из Москвы?

– Господин поручик, – Катя улыбнулась. – Москва на месте. Но некоторые вопросы нам лучше не задавать. Или в контрразведке перерывы в допросах делать просто не принято?

– Я не из контрразведки, – с готовностью откrestился поручик. – Я к комендатуре прикомандирован. После ранения. Здесь временно. После дергачевского прорыва жутко людей не хватает.

– Да что ж вы такой говорливый, поручик? – ужаснулась Катя. – Вы сейчас на нас служебные секреты вывалите, а потом за них же к стенке поставите. Нельзя же так.

Поручик заморгал и залился румянцем.

– Помилуйте, Екатерина Георгиевна, у нас женщин не расстреливают. Да и какие секреты? Все, что я сказал, в газетах имеется. И о дергачевском сражении, и о начале переговоров. Добровольческая армия лживой пропагандой не занимается. Я вам никаких тайн не выдаю.

– Вот и не выдавайте, – Катя мило улыбнулась. – Вы ради бога поторопите с чаем, мы от жажды умираем. И к нам присоединяйтесь. Раз вы нас охраняете, совершенно незачем в дверях топтаться. Кстати, и газетные новости перескажете. Мы, честно говоря, давно газет не видели. Вас как зовут?

Поручика звали Виктор. Контрразведчиком он действительно не являлся, да и чай организовал с трудом, зато принес несколько газет. Благовоспитанно сидел напротив Кати, рассказывал последние новости. Очевидно, непосредственно у поручика никаких сомнений в благонадежности прибывших издалека девиц не имелось. Катя прихлебывала чуть теплый чай, проглядывала газеты и слушала куда более осведомленного офицера. Новости были весьма шокирующие. Кате, пусть и сугубо поверхностно знакомой с ситуацией июля 1919 года в «своей» временной ветви, было ясно что «вилка» получилась солидная.

После лихого взятия города добровольческие дивизии бодро двинулись на север. Красные откатывались почти без сопротивления. Обходным маневром с ходу был взят Белгород. Добрармия наступала вдоль железной дороги и была уже на подступах к Курску, когда внезапным ударом со стороны Волуйков тылы оказались рассеяны. Взявшийся непонятно откуда кавалерийский корпус красных, поддерживаемый бронепоездами и стрелковыми дивизиями, перерезал коммуникации и едва не ворвался в город с северо-востока. От Курска белые успели перебросить ударные батальоны дроздовцев. На защиту города было стянуто все что можно. У железнодорожной станции Дергачи в яростном двухдневном сражении красные были остановлены и отброшены. Городок превратился в руины, пострадало множество мирных обывателей. Три стрелковые дивизии большевиков были уничтожены практически полностью. Но кавалерийский корпус красных вырвался из клещей, смяв левый фланг добровольцев, и ушел на Золочев. В газетах с помпой сообщили, что «последняя безнадежная попытка большеви-

ков приостановить доблестное наступление Добровольческой армии окончилась полным провалом», но такая трактовка событий не совсем соответствовала истине. От дроздовцев, принявших первый удар, осталось лишь название полка. Белозерский полк не выдержал, побежал и был порублен бешеными красными конниками на поле у окраины Дергачей. Вступившие с марша в бой марковцы трижды атаковали уже окруженный и засеивший на кирпичной фабрике батальон красных. Большевики дрались с небывалым упорством и погибли до последнего человека. Под красными пулеметами марковцы потеряли больше половины личного состава. Вообще, под Дергачами произошло нечто дикое и до сих пор невиданное. Город пылал, пленных почти не было. Зарвавшийся и отрезанный от своих бронепоезд «Красный богатырь» расстрелял все снаряды, под предлогом переговоров о сдаче подпустил к себе добровольцев и подорвался со всей командой. У моста через Лопань доблестные алексеевцы и номерной стрелковый полк красных дрались с такой яростью, что в ход пошли штыки, лопаты и приклады. По слухам, люди буквально грызли друг друга. Даже вдоволь навоевавшиеся за пять лет офицеры ужаснулись.

Говорили, что внезапный контрудар Советов возглавил лично Председатель СНК¹⁴ Троцкий. Проклятый Бронштейн так опоил опиумом своего знаменитого красноречия Рачью-Собачью, что краснопузые лезли на пулеметы как помешанные.

Возникла оперативная пауза. Продолжать наступление в направлении Курск – Орел у ВСЮР не было возможности. У красных так же не хватало сил перейти в решительное контрнаступление. Растрепанные части замерли на местах, пытаясь привести себя в порядок. Лишь одичавший кавалерийский корпус красных наскоком взял Богодухов и прочно оседлал железнодорожную ветку Сумы – Конотоп. В этот миг полной неопределенности хитроумный Троцкий передал личное послание Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России и, что уж совершенно невообразимо, пожелал прибыть на переговоры собственной персоной.

– Что-то поверить трудно, – пробормотала Катя, двигая по полированному столу подстаканник с опустевшим стаканом.

– Совершенно с вами согласен, – с готовностью отозвался общительный поручик. – Какова наглость, а? Антон Иванович во всеуслышание заявил, что речь может идти лишь о полной капитуляции Советов. В ином случае переговоры будут немедленно прекращены. Не заболтают-с. Господа офицеры уже спорят, куда будут высланы большевички. Имеются варианты с Австралией и Китаем. Лично я настаиваю на Африке. К гориллам их, в саванны! Пусть с носорогами Коминтерны учреждают. Но Бронштейн-то, Бронштейн каков! Лично я такого нахальства от этого жида не ожидал. Лично явиться в штаб противника, каково, а? После всего, что сотворено этим чудовищем, вы только представьте себе?!

– Думаете, раз еврей, так только писаться в подштаники может? – вдруг влезла до сих пор молчавшая как рыба Витка.

Поручик зарумянился, но категорично сказал:

– Я от национальных вопросов держусь подальше. И от воинствующего антисемитизма я далек. Но согласитесь, мадемуазель, ваших сородичей, лезущих на рожон, редко увидишь. Горланить с трибун – это сколько угодно. А в штыковую – будьте любезны, пусть Ванька-дурак идет.

– У нас люди жить пытаются, а не вмирать, – огрызнулась Вита.

– Цыц! – Катя стукнула по пыльной поверхности подстаканником. – Язык придержи, мадемуазель Лернер. Лично ты в штыковую точно не ходила. Сдержаннее и скромнее нужно быть. Вы ее, поручик, извините. Дорога была нелегкой, устала девочка. Кстати, конкретно ее я бы упрекать в отсутствии личной смелости постеснялась. Впрочем, каждый имеет право на

¹⁴ СНК – Совет народных комиссаров.

собственную точку зрения. Только вовсе не обязательно ее, эту точку зрения, во всеуслышание оглашать. Мы же воспитанные люди, не правда ли, Виктор?

– Боже упаси, я никого не хотел оскорбить, – пробормотал поручик. – И меньше всего присутствующих. Прошу принять мои извинения, мадемуазель. Хотя перед вашим Бронштейном я извиняться решительно не намерен.

– Та и не нужно, – великодушно заявила Вита. – Я хотела сказать, что у любого народа и трусы есть, и храбрецы. А Бронштейн такой же мой, как и ваш. Мне вся эта смута одно горе принесла.

– Ладно, не будем о печальном, – прервала ненужную дискуссию Катя. – Так что, Троцкий до сих пор в городе?

– Засел в «Астории», – поручик с некоторым облегчением отвернулся от прожигающей его взглядом Виты. – Главкомиссару категорически рекомендовано не покидать гостиницу без нашей охраны. Были уже попытки... самосуда. Один неуравновешенный штабс-капитан из «браунинга» обойму полностью высадил. Хорошо, в сутолоке лишь одного морячка из охраны задел. Антон Иванович лично обещал этому паршивцу Бронштейну (простите, мадемуазель) неприкосновенность на время переговоров. Многие из наших подобное великодушие осуждают. Обещали ведь Левушку Иудовича на Красной площади первым номером вздернуть.

– Так то в Москве, – пробормотала Катя. – Еще дойти нужно. Я так понимаю, он с охраной в город прибыл? И как идут переговоры?

Переговоры шли тяжело. Поручик толком ничего не знал – ежедневные встречи главного командующего ВСЮР с председателем Совнаркома (оставшимся и на посту главнокомандующего РККА) проходили в строжайшей тайне. Единственное, в чем со смущением признался Виктор, – о безоговорочной капитуляции речь уже не шла. По-видимому, договаривались о долгосрочном перемирии и временном установлении границ. Обе стороны были заинтересованы в длительной паузе. Исходя из положения фронтов, на немедленную и безоговорочную победу надежд не оставалось ни у одной из сторон.

В дверь постучали:

– Ваше благородие, госпожа Артемовская ждет.

Поручик подскочил:

– Прошу допивать чай. Сейчас госпожа Артемовская с вами побеседует.

Катя поморщилась. Что допивать-то? Бурду жиденькую? Десяток баранок положили. Господа-баре не знают, что путешественников с дороги можно и нормальным обедом угостить? Крохоборы, маму их... Одно дельце-то так и не успела сделать.

Катя мигнула Витке. Да отвлеки ты его, чего тарачишься?

Вита, наконец, поняла, встала и ляпнула:

– Господин поручик, когда в городе последний погром был?

Милейший Виктор смутился:

– Не знаю. Не интересовался. Впрочем, могу навести справки.

Вита осторожно взяла его за рукав, развернула к окну:

– А вот знаменитая хоральная синагога цела, не знаете?

– Никогда не интересовался, – беспомощно признался поручик.

Катя тоже встала. Мгновения хватило, чтобы сунуть сложенные мандаты за обивку диванчика. Уф, замучилась бумажки в складках юбки таить. Оторвать от подкладки еще до чая успела, а потом ну никак. Милейший Виктор как прикипел к гостье взглядом, так глаз и не сводил. Еще один страдалец, чтоб им...

– Ну-с, куда нам идти? – Катя улыбнулась.

Г-жа Артемовская оказалась еще той стервой. Квадратная, ростом с саму Катю. Да еще этот отвратительно цепкий взгляд классной руководительницы. Только заботой о трудновос-

питуемых г-жа Артемовская занималась явно не в общеобразовательной школе. Надо думать, с Холодной горы тетка, – там при загнившем царизме располагалась пересыльная тюрьма.

Комнатка была небольшой, с кафельной печкой, из распахнутой топки которой воняло горелой бумагой.

– Здравствуйте! – с воодушевлением сказала Катя. – Это вы нас на вшивость и сыпняк проверять будете?

Плоское лицо мадам скривилось, но отрицать Артемовская не стала:

– Это недолго, сударыни. В городе полно беженцев, потребен надзор и контроль. Не стоит принимать санитарную процедуру близко к сердцу.

– Нам сразу раздеваться? – осведомилась Катя. – Господин поручик вам помогать будет? Несчастный Виктор побагровел и ухватился за ручку двери.

– Снаружи подождите, господин поручик, – равнодушно сказала Артемовская. – И не вздумайте конвой отпускать. Возможно, понадобится.

– Одну минуту, поручик, – остановила молодого офицера Катя. – Передайте господину подполковнику, или кто там у вас старший, если угодно нас обыскать, мы отнесемся с пониманием. Время беспокойное. Но сидеть голой и ждать, пока мадам Артемовская обнюхает мое белье, я не собираюсь. Дайте нам что-нибудь переодеться. Хотя бы временно. А наши лохмотья мы господину подполковнику можем и насовсем пожертвовать. У вас в комендантском взводе наверняка ветоши не хватает. Ну, или еще для каких интимных целей тряпочки сгодятся.

Пылающий поручик вывалился за дверь.

– Время терять не будем, – крупное лицо Артемовской не утратило своего равнодушного выражения, но белесые глазки глянули пронзительнее. – Вы, сударыня, барышня образованная, интеллигентная, все понимать должны. Помогите подруге раздеться, да и начнем без нервотрепки. Здесь тепло, не простудитесь.

– Нет уж, я сквозняков жутко боюсь, – отрезала Катя. – Подождете, ничего с вами не сделается.

– Я-то подожду, начальство ждать не будет, – Артемовская, несмотря на свою грузность, стремительно шагнула к Кате. – Ты, фря, перед кем гоношишься? Я разве не вижу, кто ты такая? Цырва, – последнее определение монументальная мадам прошипела вполголоса.

Катя, прижатая к столу, обзрела напирające на нее массивные выпуклости:

– Силикон или просто тыквы? Ты не туфти. Я тя тоже без лупы зрю. Наезжать не кидайся, очко порву.

На лице Артемовской промелькнуло некое оживление:

– Так вот из какой Москвы гости? По этапу никак хаживала? Так что ж ты, красавица, гимназистку корчишь? – тетка цепко ухватила Катю за запястье. – Разоблачаться добровольно гнушаешься?

Катя раздраженно мотнула головой, в сторону дернувшейся было Витки. Замри, взрослые тетеньки сами разберутся.

Мадам Артемовская была натуральным бегемотом. Наверняка под сто пятьдесят кило. Жирную лапу ей Катя постаралась не ломать. Тетка с опозданием изумленно хрюкнула, слегка задела башкой дверь и оказалась в светлом коридоре. С грохотом рухнула на колени. Часовые шарахнулись. Мадам Артемовская, пуча глаза, ухватила за поврежденный локоть.

– Воды даме дайте, – посоветовала Катя и, устояв перед искушением наподдать сапогом по монументальной заднице, захлопнула дверь.

У Витки глаза были в пол-лица:

– Они... Они що с нами теперь сделают?

– Что сделают, что сделают... Два раза не расстреляют, гарантирую. Ты чего дергалась?

– Так драться же...

– И не вздумай. Лучше визжи – это у тебя лучше получится. Что-то долго наш колдун ворожит. Как бы поздно не было.

– Протка все сделает. Он хлопчик разумный... – Вита осеклась, в комнату заглянул поручик.

– Вы это что себе позволяете? Сопротивление при исполнении... это ведь истолковать можно...

– Что тут истолковывать, господин поручик? – изумилась Катя. – Не думаете же вы, что приличные дамы согласятся часами сидеть в неглиже? Хотите обыскать – ради бога. Но хоть одеяла какие-то дайте. У меня оставались иллюзии, что мы попали в приличное общество. Ошиблась. Где вообще контрразведка такую жуткую корову откопала?

– Вы злоупотребляете, – жалобно пробормотал Виктор, – я сейчас доложу. Часовому войти можно?

– Естественно. Мы же в относительно приличном виде. Вы, поручик, передайте, пожалуйста, что мы готовы оказывать любое содействие, но в рамках общепринятых приличий.

– Приличия... Вы госпоже Артемовской руку сломали, – с упреком сказал поручик. – Дикость какая, ей-богу.

– Что вы говорите?! – ужаснулась Катя. – Руку я не хотела. Виновата – оконфузилась.

Катя сидела на столе. Витка сесть на шаткое сооружение не рискнула, прислонилась к печке. Успокоилась слегка девочка. Часовому куда хуже – уцепился за винтовку, весь такой напряженный. Ясное дело, четких указаний нет, в случае чего – то ли шпионик штыком колоть, то ли прикладом успокаивать? Неизвестно, кто кого успокоит. Торчит на посту словно у полковой казны. Ноги вместе, как у фарфоровой статуэтки, – дунешь – завалится.

– Господин доброволец, я правда руку мадам сломала?

– Не могу знать! – вздрогнув, рывкнул солдат.

– Ой, какой вы brave. Старослужащий, наверное? – Катя покачала ногами, разглядывая пыльные носы сапог.

Хреново у контрразведки служба поставлена. То ли кадров не хватает, то ли совсем квалификацию потеряли. Как бы сдуру действительно не расстреляли. С девчонкой отсюда не выскочишь. Что ж Прот резину тянет?

Шмотки притащили минут через сорок. Влетел взъерошенный изумленный поручик – похоже, в сие состояние милейший Виктор приходил чрезвычайно легко:

– Сударыни, переодевайтесь скорее. И без эксцессов, пожалуйста. Нас ждут.

За спиной поручика маячила мадам Артемовская с рукой на перевязи. За надзирательницей топталась еще одна недовольная тетка со свертком тряпья.

Обновки оказались мятыми платьями сестер милосердия. Переодеваться под ненавидящим взглядом мадам Артемовской было не сильно приятно, но Катя от излишней стеснительности давно избавилась. Похлопала себя по бедру:

– Ноги раздвигать, госпожа тараканша?

– Не трудитесь. В вашу удобу много не спрячешь, – мстительно процедила баба.

– Сударыни, нельзя ли поживее? – отчаянно воззвал из-за двери поручик. – У вашего мальчика приступ. Отчего же вы не предупредили, что он эпилептик?

– А кто нас спрашивал? И вообще, разве не видно, что малыш болен? – отозвалась Катя.

Идти пришлось разутыми. Мадам Артемовская принялась за шмон всерьез. Сапоги на составные части наверняка разделает.

– Ужасно неудобно получается, – бормотал Виктор, поглядывая на шлепающих босиком девушек.

– Да ничего, главное, чтобы ногу не отдавили, – Катя кивнула на конвоиров, бухающих сапогами по пыльному паркету.

– Я не это имел в виду. В смысле, и это тоже, но в основном мальчика. – Поручик горестно вздохнул. – В истерике он. Кричит, рыдает. Двух слов понять невозможно.

– Что же вы хотели? Прот – очень необычный мальчик. Я с ним недолго знакома, но чуткий он просто потрясающе. Прямо камертон.

– Больной он, – убежденно сказал поручик. – Вы уж сделайте что-нибудь.

Прот действительно выглядел ужасно. Похоже, допекли мальчика всерьез. Какой-то бородатый дядечка, по виду доктор, держал Прота за руки. Мальчик хрипел, издавал невразумительные звуки, судорожно поджимал ноги, сползая с кресла. Коленка в прохудившихся штанах мелко дрожала.

Несколько офицеров наблюдали за конвульсиями, отойдя к двери. В углу сидел грузный, багровый от ярости генерал-лейтенант.

– Можете что-нибудь сделать? – спросил подполковник Макаров, бесшумно оказавшись рядом с девушками. – Он начал вас звать, потом совершенно рассудка лишился.

– Постараемся, – Катя обеспокоенно смотрела на Прота. Если мальчик и играл, то уж слишком натурально. – Давно это с ним?

– Полчаса как началось. Раньше с ним бывало?

– Как-то был приступ, но гораздо короче, – Катя решительно пошла к мальчику. Глаза Прота безумно закатились, из угла рта лезла натуральная пена.

– Полагаю, ему нужно сделать укол, – раздраженно сказал доктор. – Не понимаю, какие могут быть противопоказания. У меня с собой есть успокаивающее.

– Подождите, профессор. Мальчик как-то в клинике Кашенко чуть не умер. Достаточно с горемычного экспериментов.

– Он у Петра Петровича наблюдался? – изумился доктор.

– Да подождите, – с досадой сказала Катя. – Успокоить малыша нужно. Дайте я его за руки возьму. И попросите лишних выйти, вы же видите – он боится. Хотите, чтобы он на неделю таким растением стал?

Катя вытерла полотенцем подбородок мальчика. Вита присела с другой стороны, взяла ледяную руку Прота.

У дверей возмущался генерал:

– Развели бардак, господа. Девки полуголые, босые, дети слабоумные. Сплошное юродство. И это мы всерьез рассуждаем? Стыдно, господа! Разговариваем черт знает с кем. Балаган, господа. Оперетка!

Генерал убрался за дверь. Прот все дергался, сучил ногами. Вокруг стояла крепкая вонь нашатыря.

– Проветрить комнату прикажите, – сказала Катя доктору. – И чего-нибудь освежающего. Лучше пива.

– Пива? – изумился доктор.

– Так рекомендовали. В качестве смягчающего средства. Профессор говорил, я же не сама придумала.

Доктор зашептался с подполковником. Прот, часто-часто дыша, повернул слепое лицо. Вдруг на миг показались зрачки и мальчик отчетливо подмигнул.

Вита шмыгнула носом.

– Цыц, Витка! – зашипела Катя. – Ты не пророк, пацан. Ты – шикарный симулянт, Станиславский позавидует. В норме?

– Почти. Уж очень насели.

– Ладно. Продолжай осторожненько.

Вернулся доктор:

- Послали в Сабуровскую клинику. Необходима подробная консультация специалиста.
- Можно и обойтись. Он успокаивается.

Прот действительно задышал глубже и спокойнее. Крепче уцепился за руку Виты.

- Состояние ребенка стабилизируется, – глубокомысленно заметил доктор.

По ногам ходил сквознячок. Разведгруппа сидела за ломберным столиком с драным зеленым сукном. Катя, проглотившая стакан пива, находилась в умиротворенном состоянии духа. Платок с головы стащила, кое-как пригладила взмокшие волосы. Нормально. Расстреливать никто пока не собирался, и вообще, троичку временно оставили в покое. Только за распахнутыми дверями залы маячил часовой. Окно открыто, шелестит залитая солнцем крона каштана – уходи не хочу. Нет, на всякие мелкие провокации мы не поддадимся.

Подполковник курил в коридоре. Катя чувствовала аромат хорошего табака. Под прищелчком, под надзором. Ничего не решили, ничего не прояснили. Разве что поднатужились и его толстое генеральское превосходительство абсолютно из себя вывели. И что генерал так разорался?

- Я ему про мальчиков кровавых сказал, – прошептал Прот.

Катя дернула подбородком. Резковат сегодня парень, в лоб режет и даже не скрывает, что окружающие у него как на ладони. Впрочем, нервишки сегодня у всех на пределе.

– Про мальчиков? Хм... В личном, так сказать, смысле? При всех ляпнул? Едва ли его превосходительство к тебе особой благожелательностью проникнется.

– Обойдусь. Я про «мальчиков кровавых в глазах» красиво прорек. Не все поняли. Кто понял, промолчит. И вообще, этот жирный боров пьян. Меня церковным огарком обозвал, а сам дышит как босяк.

– Перегар – это нормально. В традициях русского офицерства, – пробормотала Катя. Багровая физиономия генерала казалась ей смутно знакомой. Нужно было лучше фотографии рассматривать. В памяти фото руководства Добрармии слилось в единую череду благообразных одухотворенных лиц. Впрочем, так же, как и физиономии советской армейской верхушки. Фото на экране монитора похожи друг на друга, не запомнишь даже, кто бритый, кто бородастый. Ну и черт с ними.

- А он... действительно маньяк? Надо же...

– Нет, – Прот устало улыбнулся. – Пьяница он. Про «кровавых» это я так, для выразительности. Хотя молоденьких он действительно любит.

- Я вас совсем не розумею, – робко пошептала Вита. – Вы про що вообще говорите?

– Да не важно, – мальчик вяло махнул кистью. Сквозь загар ярко выступили царапины и хрупкие костяшки пальцев. – Все это не важно. Катя, я плохо сыграл. Неубедительно. Они меня за убогого держали, вот я и стал убогим. Пусть подавятся. Не удержался.

– Ничего-ничего, – пробормотала Катя. – Проскочили. В общем-то ты осознал, какого им хрена нужно было?

– По-моему, они всерьез надеялись, что я истину предреку, – Прот удобнее устроился, оперся затылком о плечо Виты. Девчонка не возражала. – Я, Екатерина Георгиевна, полагаю, что они в полнейшей растерянности, раз на блаженного надежду имеют. Смешно. Я, может, искры и в прошлом, и в будущем различаю, но разве до истины дотягиваюсь? Истину только ОН знает.

Катя кивнула:

– Каждому по способностям. Да не позволят нам боги надмировую истину во всей красе разглядеть. Ладно, прорвемся. Кормить-то нас здесь будут? Никакого уважения к пророкам и сопровождающим их лицам. Кстати, поп, что приезжал, он куда сгинул?

– Протоиерей Феофан? Он личность мою удостоверил и ушел, – Прот грустно улыбнулся. – Он в епархии лицо известное. В монастырь к нам не раз навещивался, меня знает. Оттого и к руке приложиться не дал.

– Что, тоже по ганимедам слаб?

– Боже сохрани! Честный священник. Только в вере нестойк. Сомнения его мучают.

Катя замотала головой:

– Все-все! Это нас не касается. Лучше скажи, что там с нами дальше делать мыслят? Как думаешь?

– Полагаю, за дверь нас сразу не вышвырнут. И не расстреляют. Разочарованы, но еще попробуют меня испытать. Вера в чудо, она, Екатерина Георгиевна, стойка до смехотворности.

– Ты меня пока Катей именуй. Пожалуй, сейчас так естественнее звучит, – Катя покопсилась на мальчика. А ведь нравится ему, паршивцу, в объятиях девочки сидеть. Жмурится совсем не по-юродивому. Витка-то без задней мысли носом ему в макушку уткнулась.

В дверь коротко стукнули:

– Отдыхались, дамы и господа?

Подполковник Макаров вошел в залу. Склонив голову к плечу, оглядел гостей, устроившихся за маленьким столиком.

Катя посмотрела в чисто выбритое лицо подполковника, в покрасневшие от бессонницы глаза:

– Мы, Алексей Осипович, отдыхались. Частично. Прот полагает, что не оправдал ваши ожидания. Крайне удручен мальчик. Вы уж снизойдите к его переутомлению. Людей много, все в погонах, все при оружии. Грозные такие, повелительные. Тут и взрослый перепугается. Нельзя ли мальчику поспать хоть немного? Приступы – состояние весьма изматывающее.

– К сожалению, могу дать времени только до вечера. С вами весьма высокопоставленные лица желают побеседовать. Недурно было бы без... истерик и тому подобного обойтись.

Прот молча ухватился за руку Кати.

Подполковник чуть заметно поморщился:

– Не трудитесь, я намек понял. Мадемуазели смогут при беседе присутствовать. Так что не переигрывайте.

– Что это за намеки, господин подполковник? Уж не в симуляции ли вы мальчика подозреваете? – возмутилась Катя.

– С чего вы взяли, мадемуазель? Молодой человек существо не очень здоровое, нервическое, это и без доктора весьма заметно. Просто счастье, что ребенок обеспечен опорой и поддержкой в вашем лице. Надеюсь, вы мальчику и в дальнейшей помощи не откажете. Это, в конце концов, в наших общих интересах. Ну а дальше видно будет.

Прот под боком у Кати шевельнулся:

– Вы, господин подполковник, в мои способности не верите, да?

– Я, молодой человек, давно ни во что не верю. Мне по долгу службы не положено. Вы уж от старика много не требуйте. Не довелось мне чудес на своем веку встречать. Но я человек штабной, скучный и неромантичный. Мое дело – вас руководству предоставить. Сейчас вас покормят, комнату удобную отведут. Только вы уж членовредительством не занимайтесь, покорнейше прошу. Это я к вам, Екатерина Георгиевна, обращаюсь.

– Не поверите, совершеннейшая случайность, – Катя покаянно ухватила за измятую кофточку у горла. – Ой, некрасиво вышло! Я свои извинения мадам Артемовской хоть сейчас готова принести.

– В этом нет необходимости. Средства на лечение мы ей компенсируем. Только к охране прошу не приближаться. Напугаете-с, – подполковник небрежно кивнул и направился к двери.

– Господин подполковник! – Прот неуверенно встал. – Вы-то сами за руку меня не хотите взять?

Макаров приподнял бровь:

– Полагаете, имеет смысл? Я человек скромный и без предсказаний вполне спокойно живу. Мне, знаете ли, смерть от коня своего пророчить не нужно. Я на автомобиле передвигаться предпочитаю.

– Как пожелаете-с. Я вам про будущее ничего не открою. Возможно, о прошлом что-то объясню.

Подполковник погладил свою гладкую макушку и с неожиданным мальчишечьим любопытством сказал:

– Давайте поэкспериментируем, Прот Павлович. Только честно предупреждаю: я цыганкам с детства не верю. Вот такой материалист я скучный, даже в гипноз не уверовал. Желаете с таким неинтересным материалом попробовать?

– Я гипнотизеров никогда не видывал, – с сожалением признался Прот. – И цыганок боюсь. У них глаз недобрый. Только я, Алексей Осипович, к чудесам никакого отношения не имею. У меня просто голова больная. Но это не заразно, – мальчик протянул свою птичью лапку. – Рискнуть желаете?

– В качестве непосредственного знакомства? – Подполковник усмехнулся. – Почему бы нет? Вы личность в определенных кругах весьма знаменитая.

Большая рука Макарова поглотила хрупкую кисть мальчика.

– А вы, Алексей Осипович, очень сдержанный человек. Двое детей, жена. Хорошо, что вы их подальше отправили, – Прот бормотал тихо, одними губами. – Старший у вас действительно излишне вспыльчив. Вам бы за ним последить не грех. Ну, даст бог, и супруга ваша с сыном справится. Не сомневайтесь, средств им пока хватает. С расчетом хозяйствуют...

Подполковник кивал, пряча улыбку в углах рта. Прот тоже улыбался, только не насмешливо, а скорее печально.

– ...благополучный вы человек, – бормотал Прот. – Службу... службу вы поменяете. Нет, вперед мне нельзя. Прошлое только. Да. Вы не жалеете ее. Анечка быстро ушла. Без боли. В сон, как в сказку. Все думала, как вам о том расскажет.

Макаров побледнел в одно мгновение. Казалось, высохшая кожа пергаментом облепила кости лица, хрустнула и осыпалась. Нет, просто болезненная гримаса, промелькнувшая на лице подполковника, молниеносно исчезла. Но и закрепить на скулах прежнюю доброжелательную полуулыбку Алексею Осиповичу никак не удавалось. То, что он выдернул свою ладонь из слабых пальцев мальчика, подполковник, по-видимому, не заметил. Прот, тоже словно не замечая, продолжал бормотать:

– И на матушку вашу покойную вы не грешите. Она ведь не знала, что у вас с девочкой... истинно сердечно было...

– Прот! – Катя с шипением слетела с диванчика.

Подполковник отступал от мальчика. На лице Макарова застыло отстраненное выражение. Похоже, господин контрразведчик собирался грохнуться в обморок.

Прот заморгал. Катя проскочила мимо него, собираясь ухватить подполковника за рукав. Но Макаров плюхнулся в кресло сам. Неловко потянул зацепившуюся кобуру револьвера. Когда в залу заглянули обеспокоенные часовые, все выглядело в рамках приличий.

Подполковник сглотнул остатки пива. Ужас в его глазах постепенно сменялся смущением.

– Это от погоды, – сказала Катя. – Давление сегодня высокое. И переутомились вы, Алексей Осипович. Впрочем, рядом с Протом так бывает. Голова ни с того ни с сего кружится. Уникальный он мальчик. Вы хоть слышали что-нибудь? Только ведь в контакт вошли, и, пожалуйста, дурнота накатилась. Ну ничего, в следующий раз попробуете.

– Что он сказал?

– Мы же оттуда не слышали. Да, собственно, вы только за руку его взять и успели. Ему и самому поплохело.

Прот сидел рядом с Витой, выглядел, как обычно, помятым и несчастным, но не слишком обморочным. Возможно, оттого, что Витка сочувственно гладила его по макушке.

Подполковник глянул на стакан в своей руке:

– Вероятно, я вас обделил порцией «смягчающего средства»?

– Проту достаточно пары глотков. Запах хмеля благотворно действует. Не пропадать же остальному?

– Вы, Екатерина Георгиевна, весьма практичная дама.

Подполковник побрел к двери. Катя со сложным чувством посмотрела в его слишком прямую спину. Да, этак мы и контрразведку достанем. Прот с Виткой шептался на диванчике.

– ...ему десять лет было. Ей, наверное, столько же. Скарлатина. Попрощаться с девочкой ему не дали.

– Прот, – сурово сказала Катя, – ты больше так не делай. Перебор.

– Почему? Потому что вам его высокоблагородие понравилось?

– Не дури. Понравился – не понравился – дело десятое. Вот челюсть он тебе мог запросто сломать. В состоянии аффекта. Ты не норови на самое больное людям наступать. Без нужды, во всяком случае.

– Нужно было, чтобы он поверил. Личное – самое действенное. И видно его ярче. Ведь не про то, как ему обещанный орден не дали, было рассказывать? Не поверил бы.

– Я в мышеловку вечно пытаюсь лезть, и ты туда же, – скорбно сказала Катя. – Стоило его так вздергивать? Он же не сопляк какой-нибудь. Зачем ты его вообще остановил? Шел он себе и шел.

– Он вам понравился. Пусть поверит, что я могу, – угрюмо сказал Прот.

Катя между двумя этими утверждениями особой логики не уследила, но промолчала. Зато Витка возмутилась:

– Кто понравился?! Этот плешивый?!

– Все, заглохли! – шепотом рывкнула Катя. – Распустились. Разведгруппа сопливая. Отдыхайте, хрен бы вас взял. Черт, дадут нам в этом бардаке жрать или нет?!

Припозднившийся обед все-таки подали. Основное блюдо составил едва теплый солдатский борщ, но, поскольку мяса в нем хватало, разведгруппа особо не привередничала. Комнату «гостям» отвели тихую – снаружи зарешеченное окно почти заслонял ствол огромного тополя. Катя подремала под шелест листвы. Издалека доносились голоса солдат, ржание лошадей. Хотя за дверями торчали часовые, Катя чувствовала себя совершенно безмятежно. Сквозь дрему думала, что так и не поняла: свои кругом или наоборот? Вот же извращенная штука гражданская война – то все по тебе стреляют, то борщом кормят. Впрочем, еще не вечер.

На казенных металлических койках посапывали Вита и мальчик. Из-под простыни торчали грязные пятки девчонки, по ним бегали-щекотали веселые пятнышки тополиного солнца.

Катя по-настоящему заснула. Снилось, что спит на служебном диванчике, слышит гул шумного Комсомольского проспекта.

* * *

– Выспались? – поручик сгрузил на стол свертки. – Я тоже часок успел.

Катя кивнула – физиономия у милейшего Виктора действительно была помятая, припухшая со сна.

Померили принесенную поручиком обувь. Кате достались новые, вполне приличные туфли. От пренебрежительных комментариев девушка воздержалась. Туфли, конечно, полный отстой: кожа дубоватая, средний каблук – ни то ни се. От излюбленного сержантом спортивно-трекингового стиля сии башмаки страшно далеки. К парадно-выходным моделям опять же ни малейшего отношения не имеют. Если уж мучиться на каблуках, то уже на настоящих. Когда-то Кате-Катрин, тогда еще совсем не сержанту, а семнадцатилетней наивной дурочке, преподали уроки, как обязана выглядеть истинно обольстительная леди. Хорошие были уроки, полезные. Жаль, с опозданием это осознала.

– Не нравится? – огорчился поручик, глядя на помрачневшую девушку.

– Что вы, Виктор, чудесная обувь. Не знаю, как вас и благодарить. Только воспоминания грустные навевают. О мирных временах, о близких людях.

– Да-да, понимаю. Иных уж нет, другие далече. В ужасные времена живем, Екатерина Георгиевна. Полное разорение, ужас и хаос. Ну, зато я вам сладкого к чаю принес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.